

РЕСПУБЛИКА
ИНЯ

СБОРНИК
СТИХОТВОРЕНИЙ

2021 56 42 32

300 ЛЕТ
КУЗБАСС

мес 4-31-45
КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

18.01-380

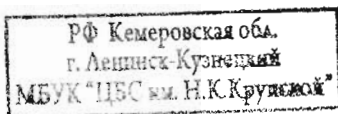
РЕСПУБЛИКА ИНЯ

Сборник стихов

Кемерово 2021

ББК 84Р6К

Р43

Авторы выражают благодарность за помощь в издании сборника директору шахтоуправления им. Анатолия Дмитриевича Рубана Климову Виктору Викторовичу.

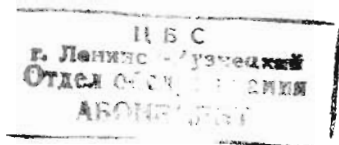
103984 (1)

Республика Иня: сборник стихов / составитель Д. Филиппенко. – Р43 Кемерово: ООО «Офсет», 2021. – 200 с.

ISBN 78-5-6041169-9-9

ББК 84Р6К

Иня – река, протекающая сквозь город Ленинск-Кузнецкий. И все живущие на её берегах поэты – граждане Республики Иня.

ISBN 78-5-6041169-9-9

© Республика Иня, 2021

© ООО «Офсет», 2021

МЫ ЧАСТЬ ПРИРОДЫ...

*«Мы не пришли из пустоты,
И через годы
Не суждено нам в пустоту
Уйти однажды.
Мы все – не только часть Земли,
Мы – часть Природы,
Мы – часть Вселенной, мира – часть –
Конкретно каждый...»*

(А. Бельмасов)

Как много написано, сказано о Природе вообще и главное о природе человеческих отношений, и к самим себе, и к ближним своим, доказывая, что каждый из нас личность – уникальная, неповторимая...

Сколько будет ещё сказано поэтами о человеческих чувствах – светлых и нежных, обрекающих нас на любовь, сколько ещё поэтических строк, будут тревожить наши сердца.

Недавно (2020г.) вышел I том классики кузбасской литературы: «Золотой запас поэзии Кузбасса». Это кладезь, оставленная нашими предшественниками – поэтами 2 половины 20 века. И слава Богу мы сохраняем это для будущих поколений, накапливая мудрость нашего земного бытия.

Русская поэзия – там много в ней слов и смыслов, потому, как нет в мире более образного, более душевного языка. Вот и этот поэтический сборник несет в себе много интересного и нового. И я думаю – спорного, требующего разговора и осмысления и понимания. Вроде бы настоящие человеческие истины неизменны, но что-то появляется недосказанное раньше, недоказанное и продолжающее будоражить умы и души наши...

В этом и есть предназначение поэзии, искусства. Если есть повод размышлять, спорить – значит состоялось, получилось...

И нет предела движению русской поэзии к высотам, ещё

зримо невидимым, но уже ощущаемым каждым поэтическим нервом

*(«... Чтобы услышать птиц весенних трели,
Чтобы слышать, как журчит вода.
Я ещё с рождения поверил –
Русский мир, как космос – навсегда»...)*

(Б. Бурмистров)

32 автора – разных по возрасту, по мироощущению, по таланту, по стилю – объединяет непреходящая любовь к поэзии, русскому слову и смыслу русской жизни...

*... «Невольники своих амбиций,
У властных судеб на крючке,
То высоко взлетаем птицей,
То бьёмся рыбой на песке...»*

(В. Гуляев)

Как прекрасная сибирская речка «Иня» собирает ручейки, роднички и несёт их в большие воды, так и этот сборник, собирая строки, стихи, россыпи слов тревожит наши чувства, заставляет думать о природе бытия нашего. И ты понимаешь, что творчество неиссякаемо...

И я уверен, что многие авторы этой книги пополнят в будущем золотой запас Кузбасской поэзии...

Председатель Союза писателей Кузбасса, поэт,
Лауреат Большой литературной премии России

Б. БУРМИСТРОВ

Галина Золотайна

ЯНВАРЬ

1.

Лучше не сыщется в жизни моей января:
Опять просыпаюсь ни свет ни заря,
Опускаю ноги в тапочки, надеваю халат,
Прощу, не тревожь меня, литературный брат...

Бельмасова (Золотайна) Галина Михайловна родилась 28 апреля 1956 года в г. Ленинске-Кузнецком, Кемеровской области. Окончила Ленинск-Кузнецкое медицинское училище по специальности «фельдшер». Работала в медицинских учреждениях города – Стоматологическая поликлиника № 1 и Детская поликлиника № 2. Литературным творчеством увлеклась в 18 лет. Печаталась в городской и областной периодике, участвовала в семинарах, выступала со стихами перед читателями разных городов Кузбасса. Участница областной литературной студии «Притомье». В 1991 году совместно с поэтом Бельмасовым А. М. организовала в Ленинске-Кузнецком литературную газету «Лик», которая стала отправной точкой в организации творческого клуба с одноименным названием и поэтического фестиваля. Выпустила книги стихов «Миг прозрения» (1985 г.), «Гнездо» (1995 г.), «Горожанка» (2000 г.), «Как хорошо гулять среди поэтов...» (2012 г.). Готовится к выпуску новая книга стихов «Хорошо, когда всё можно». Участница многих коллективных сборников, таких как «Дороже серебра и злата», «Мы – «Притомье» и многих других. Печаталась в журналах «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «После 12», в альманахе «Кольчугинская осень». В Союз писателей России принята в 1999 году. В настоящее время проживает в Ленинске-Кузнецком, является постоянным автором журнала «Огни Кузбасса» и одним из редакторов альманаха «Кольчугинская осень».

2.

Этот январь почему-то напоминает март –
В воздухе пахнет весной и снег ноздреват.
Выхожу, дышу, напитываюсь бытиём.
То в себя смотрю, то туда, за окоём...

Пока идёт зима, я согреваюсь
Пустяшной болтовней на ровном месте,
Медовым чаем на душице божьей,
Веду переговоры с голубями,
Чтобы не шибко портили карниз,
Хожу гулять в ближайший березняк,
Дышу морозцем, ртом ловлю снежинки,
Гоню из головы дурные мысли,
Пишу в тетрадь какие-то стишки.
Веду дневник и думаю о главном –
Весной увидят все мой новый шарфик!

Как хорошо быть дома – и одной!-
И космы банной шапочкой скрывая,
Собою любоваться, попивая
Из чашки кофе – бразильянский зной!
Кто в садике, кто в школе, кто в трудах,
А я филоною, то есть тунеяжу,
Спихнув забот безрадостных поклажу
И не блуждая в прожитых годах.
Включу негромко Фаусто Папетти,
На стол журнальный ножки умещу,
Ну, может быть, чуть-чуть и погрузу,
Но это пусть останется в секрете!

Не надо начинать с начала жизнь!
Ну, хорошо, хотя б – не ежедневно...
Ведь ты же не лягушечья царевна –
Ведь ты ж из заурядных Василис!

С утра по плану чуть пографомань,
К обеду погуляй для аппетита,
Часам к пяти закончи сарафан,
Должна ж вещица к лету быть дошита.

День заверши без всяческих затей,
Прочти «Уединенное», зевая.
Оставь в покое внуков и детей.
Ты умница, ты девочка большая!

Отставной соловушка
Пел мне, пел,
Надоело, видно,
И улетел...

Я не тосковала,
Листву браня,
Что скрывает
Тенора от меня.

Он покинул веточку,
Кончив песнь,
До того обиделся –
Умер весь...

Давай же о хорошем, о хорошем –
О синих зимних сумерках, о прошлом,
Когда снималось платье второпях,
В чужом дому, где были мы в гостях.

Там что-то начиналось выше страсти,
И это было нежностью – вот, здрасте!
Дожили, дочитались, докатились
Вошли друг в друга, перевоплотились.

Потом придёт весна, и будет лето,
И осень. А потом конец сюжета.
Февраль – и всё. На кладбище пороша...
Ширь на Чудское озеро похожа...

Хорошо, что, кончается этот февраль,
кот этот драный,
с хвостом поделом прищемлённым...

По двору ходит одна сумасшедшая
в шапке песцовой,
топчет тропинку среди ноздреватой
рванины...

Март, вырывайся,
заглушки зимы выбивай,
Лейся ручьями и солнечным светом слепи!

Бросить бы на фиг все эти стихи
И уйти в монастырь...

Только за мартом апрель непременно
настанет,
вербную веточкой в двери
мои постучится,
кто же откроет ему?..

Встанешь на краю порога,
И увидится восток,
А подвинешься немного
На другой конец порога –
Запад видится чуток.

Пишешь строчку на листочке
Или клавишей стучишь
В своём тихом закуточке,
Всё равно дойдёшь до точки:
Постоишь – не устоишь,
Вслед за солнцем улетишь!

Убираем из-под ног щепки, грабель черенок,
Надоедливых подружек, пряных, прямо, как чеснок!
Убираем фоты дедок, убираем фоты деток,
Помолясь, иконы прячем, что им попусту маячить –
В опустевшем-то дому эти лики ни к чему.
Соберём в дорогу снедь, напоследок глянем сеть –
Как фейсбук там и вотцап, все ав-ав и цап-царап,
Ступим смело за порог, впереди нам сто дорог,
Открывается отныне и во всём поможет Бог.

Не закливайсяна точке – она мала.
Лучше по прямой продолжай свой путь.
И не думай на ночь, не хмурь чела,
А читай стихи, просто – чьи-нибудь.

А придёт пора огород копать,
Так бери лопату – иди копай.
Ты ещё не слишком старая, мать,
И успеешь ещё собрать урожай.

Мы ещё попьём чайку и чего-нибудь,
По базару ходим и по острию,
А что жизнь проходит – так в этом суть,
Чтобы сладость узнать на самом краю.

Разве есть ещё такие песни
И стихи ещё такие, а –
Чтобы на душе исчезла плесень,
А на сердце растворилась ржа?

Ну, конечно есть такие песни
И стихи такие тоже есть,
Потому что не было б их если,
Слишком заскорузло было б здесь!

Пой, дружище, голосом негромким,
Неустанно ниточку тяни.
Сзади предки, спереди потомки,
Посерёдке мы с тобой. Одни.

Начнём весну с простого – помолясь!
Грешки, что зимней падерой накрылись,
Оставим там, где им и должно быть –
В забытом прошлом, стылом и постылом.

А что там будет дальше – будет дальше!
Скорей идёмте в парк гулять по тропкам,
Подошвами ботинок трогать почву,
Отчнувшуюся от анабиоза.

И к радости собак бесхозных, грязных,
Из теплотрасс пришедших на поверхность,
Класть на скамью остаток беляша,
И от избытка чувств почти что плакать...

А что вчера было – ведь было же что-то!
Прогоулка по парку и чтение книги,
Усталые дворники тянут вериги –
Лопаты и грабли... и капельки пота.

А парк, он пока что безлиствен, прозрачен,
И аттракционы пусты и ненужны.
Закрыты все кассы, и мелкие лужи
Пробует лапка трехпалая грачья.

И небо такой синевою пригоже,
Что слышится нежное ангелов пенье,
И жаждет душа красоты, обновленья,
И кажется мир этот церковью Божьей.

СЕГОДНЯ Я

Сегодня я отменила возраст,
Семнадцать раз подмигнула кукле,
Воткнула в кудри большую розу,
Достала новые шпильки-туфли.

Пойду, как струнка, я в сад зелёный.
В саду кафе, там корицей пахнет,
Там пьяных нет, лишь скрипач влюблённый,
Да шен дворовый, прекрасный парень...

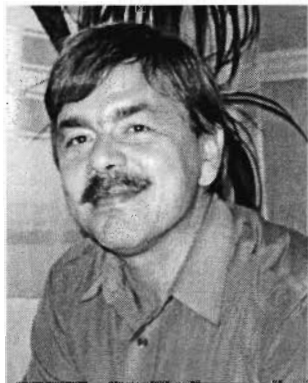
НАВЕЯННОЕ

В доме этом опять и опять не спят,
Греют чайник, гладят котят-щенят,
Свет приглушают, читают чьи-то стихи,
В доме тут голоса и шаги тихи.
Плётка висит на кровати - никто не бьёт,
Пряник в шкафу лежит - никто не даёт,
Сердце в груди уже превратилось в лёд,
Разум не помнит который идёт год...

ОБРАТНАЯ ВЕРСИЯ

И как только я соберусь к тебе,
чтобы петь-плясать на гулянке нашей -
зашкворчит в небесной сковороде,
и вином наполнятся божьи чаши.

А потом прольётся вино с небес,
но и тут, проявляя о нас заботу -
чтобы мы с тобой не спились вконец -
Он в пути вино превращает в воду...

Алексей Бельмасов

БУКВЫ БЕССМЕРТИЯ

Кто говорит, что мы умрем? –
 Оставьте эти
 Суждения в самих себе –
 В них кривда вьется:
 Мы множество веков живем
 На белом свете
 И множество веков еще
 Нам жить придется.

Мы не пришли из пустоты,
 И через годы
 Не суждено нам в пустоту

Бельмасов Алексей Михайлович родился 1 января 1959 года в г. Гурьевск Кемеровской области. Скончался 1 февраля 2013 года. Окончил СПТУ-38 в Ленинске-Кузнецком (1978). Работал электрослесарем на шахте, руководителем духового оркестра в клубе «Горномонтажник», редактор литературной газеты «ЛИК». Автор книг «Жалей, не жалей...», «Зябкий сюжет», «Словицы», «Книга смеха», «Досье на бога», «Белые стихи – книга 1», «Белые стихи – книга 2», «Буквы бессмертия», «Метасловарь – книга 1». Публиковался в журналах: Огни Кузбасса, Сибирские огни и др. Член союза писателей России.

Уйти однажды.
Мы все – не только часть Земли,
Мы – часть Природы,
Мы часть Вселенной, мира часть –
Конкретно каждый!

Мы миллиарды лет назад
Уже дышали,
Не знаю – чем, не знаю – как,
Но было дело.
Вселенная возникла, ей
Мы не мешали,
Мы занимались, кто, чем мог
В других пределах.

И миллиарды лет пройдут –
В короне Солнца
Усталая Земля сгорит
В своем величье,
Мы не сгорим! В другую жизнь
Мы вновь вернемся,

В самих себя вернемся мы
В другом обличье!

Я говорю вам: человек
Не исчезаем!
Я говорю вам: человек
В бессмертье вложен!
Вот только доказательств мы
Еще не знаем,

И подтвердить бессмертье мы
Пока не можем.

Но через сколько-нибудь лет
Забвенья гири
Мы сбросим с памяти своей
И вспомним смело:
Зачем мы оказались здесь –
В подлунном мире?
Зачем бессмертье нам дано
И что с ним делать?

ЗА СПИНАМИ СЛОВ

За спинами слов тишина и покой,
И облако пахнет мукой,
И воздух упругий такой,
Когда его тронешь рукой.

За спинами слов – ни людей, ни тревог,
Ни городов, ни дорог,
Там только пространство и звёздный поток –
Как небытия пролог.

Там только черёмуха детских снов
И эхо бесшумных сов,
И шелест шагов мировых мудрецов,
Ушедших за спины слов.

Там искры мерцают в болоте дня
И в небо летят, звеня,
Там музыка снега и смех огня
Всё время зовут меня.

СТИХОТВОРЕНИЕ, ВЫГЛЯНУВШЕЕ ИЗ ТРЕТЬЕГО ЧАСА НОЧИ

Поезда уходят на Луну.
От родного, отчего порога
Перевозит целую страну
На Луну железная дорога.

Стук колес впитался в тишину
И по небу ходит, как по залу.
Вытянулись в длинную струну
Поезда до лунного вокзала.

Оторвавшись от земных трудов,
Без вопроса: прав или не прав ты?
Едут на Луну из городов
И поселков наши космонавты.

В Солнечной системе суета,
Время неприветливо и хмуро,
Через небо мчатся поезда
Без стоянок и без перекуров.

И в какой-то вспыхнувший момент
Я подумал, тени провожая:
Кем же управляет президент,
Если вся страна переезжает?

Если чередой, по одному,
По чьему-то свыше указанию,
Тысячи вагонов на Луну
Мчатся по ночному расписанию.

И еще подумал я тогда:
Вот бы если люди бы летали,

Не тряслись бы люди в поездах,
Уносясь в космические дали...

Ночь.

Созвездья.

И на тишину

Стук колес ложится, как убранство,
Поезда уходят на Луну
Сквозь поля уснувшего пространства.

Человек состоит из солнца!
Все иное – ложно и дуту,
Из горячей солнечной ткани
Нас природа взялась кроить,
Когда солнце вдруг захотело
Наслаждаться жизнью и думать,
Когда солнце вдруг пожелало
Видеть, слышать и говорить.

Человек состоит из солнца!
Сквозь пространства толстую шкуру,
Сквозь воздушный колпак планеты,
Где сгорает метеорит,
Это солнце включает в каждом
Человеке температуру,
Это солнце у человека

И. Б. Подгоняет сердечный ритм.

103984 (1)

г. Ленинск-Кузнецкий
Отдел обслуживания
АБОНЕМЕНТ

РФ Кемеровская обл.
г. Ленинск-Кузнецкий
МБУК "ЦБС им. Н.К.Крупской"

Наше внутреннее светило
Мы проносим в себе, как в ранце,
По ухабам судьбы и тропам,
Где любовь, фимиам и дурь,
Вот поэтому в человеке
Есть природа протуберанцев
И поэтому в человеке
Есть приметы магнитных бурь.

Золотыми лучами долго
Пеленало солнце планету,
Наполняя моря и сушу
Духом разума и любви,
И случилось чудо однажды:
Долетевшие в виде света,
Сверхстремительные фотоны
Стали солнечными людьми.
И с тех по тысячелетьям
Рассыпаясь, как звон весенний,
Сердце хрупкое непрерывно
Грея в собственном же тепле,
Сквозь природные катаклизмы,
Сквозь преграды и потрясения,
Люди, сделанные из солнца,
Как цветы растут на земле.

Я подключился к проводам
Вселенной,
Я породнился с космосом всерьез,
И вот теперь по-свойски и

семейно

Меня зовут к себе скопления звезд.

Они с упорным дразнят постоянством,
Пульсируют, рисуя трассы нить,
И даже учат, как порвать пространство,
Чтоб расстоянье резко сократить.

Луна о жизни внеземной вещает,
Кометы режут сны небесных сфер,
И медленно галактики вращает
Вселенский ветер – вечный кавалер.

И сложное не кажется мне сложным,
И гибельным не выглядит уж мир,
Где даже время вязнет безнадежно
В таинственных болотах черных дыр.

Из озера растет волна,
Из города растут дороги.
Стремительно растет война
На стыке разногласий многих.

Растет Луна из темноты,
А из собак – собачьи будки.
Из женщины растут цветы –
Невидимые незабудки.

Из родника растет река,
Из осени – лесов убранство,

Из времени растут века,
А из материи – пространство.

Растет из солнца яркий свет,
Из почки – хрупкие листочки,
И много миллиардов лет
Растет Вселенная из точки.

Осенние люди по городу ходят,
Как будто их кто-то по городу водит,
Они одеваются по погоде
И улыбаются по погоде.

Сверкает листва, как цветные марки,
Осенние люди в плащах неярких
Подолгу сидят в опустевших парках,
Как будто живут в опустевших парках.

Когда же морозец по зимним законам
Распишется снегом на стеклах оконных,
Они навещают своих знакомых
И угощают вареньем знакомых.

Осенние люди седеют с годами
И говорят одними губами,
А на работе пахнут грибами,
И после работы пахнут грибами.
Осенние люди по городу ходят,
Как будто их кто-то по городу водит,
И как-то спокойнее с ними, вроде,
И мне, и городу, и природе.

Весна нахлынет, словно сон,
Которому не верят.
Дворы весенних слов фасон,
Как шляпы, перемерят.

Клен-музыкант, надев пенсне,
Сыграет квоту арий,
И загорится – нет, не снег, -
А свет
на тротуаре.

ВАЛЬСУ ОСЕННИЙ СОН

В парке,
Днем ли, в вечерний ли час,
Когда осыпаются листья привольно,
Оркестр играет старинный вальс...
Придите!
Послушайте!
Это больно!

Красивая музыка слез полна,
Отчаянья,
Жизни на грани риска...
Не торопитесь к близким! – она,
Может быть,
Станет вам
Самой близкой!
Понятно, когда человек на виду
Плачет от горя иль неудачи,

Это вполне понятно,
А тут –
Целый оркестр плачет!

Галине Золоташной

А глаза твои пахнут степью,
И дождями, и васильками...
Ты люби меня очень крепко –
Ты мне очень нужна такая.

Где-то строят огромный город,
Понимаешь: огромный город!
Он наступит земле на горло
И поднимется в небо гордо.

Значит, вырубят люди рощу,
Понимаешь: вырубят рощу!
Это сделать простого проще,
Понимаешь: не ропщет роща.

Задохнутся дожди от дыма,
Понимаешь: дожди от дыма...
И уйдут они жить отдельно,
Где просторно и нелюдимо.

Только я, привязанный крепко,
Буду в городе жить стихами,
Где глаза твои пахнут степью
И дождями, и васильками.

Тамара Страхова

Не со мной построишь дом
 Над серебряным прудом,
 В землю веточку воткнешь,
 Песню не со мной споешь.
 Будут годы плыть да плыть,
 Будет память нити вить,
 И однажды в час ночной
 Вспомнишь все, что не со мной:
 Что твой дом давным-давно
 На мое глядит окно,
 Клен зеленый перед ним

Страхова Тамара Алексеевна родилась 11.07.1948, г. Купино Новосибирской области. Скончалась 27.07.2008, г. Ленинск-Кузнецкий Поэтесса, член Союза писателей России. В 1982 году окончила филологический факультет Кемеровского государственного университета. Тамара Алексеевна является автором семи книг: «Весенние окна» (1989), «В созвездье Всяных Журавлей» (1995), «Обреченные на любовь» (1997), «Лунный город» (2003), «Маэстро» (2000), «Тополиная метель» (2006), «Рояль в кустах» (2008). Автор публикаций в журналах: «Литературный Кузбасс» и «Огни Кузбасса». Участник коллективных сборников: «На родине моей выпали снега...», «Дороже серебра и золота...», «Русская сибирская поэзия. Антология XX век». Печаталась в газетах «Кузбасс», «ЛИК», «Городская газета» и др.

Бредит именем моим,
Да и песня вся о том:
Не со мной построил дом...

Снова звуки наполнили лес,
Настигает из детства оркестр.
Через просеки и через дни
Догони же меня, догони!

Оглянусь – и глазам горячо.
Постороннему вход запрещен.
На зеленые мчимся огни:
Догони же меня, догони!

Догони же меня, догони,
Словно ветку тугую, согни .
И рывком отпусти погоду...
Как стрела, запою, уходя.

Еще один мой полдень прожит,
Проглочен сумраком дорог.
Мне обещали жизнь попозже,
Видать, еще не вышел срок.
Мне обещали мудрость годы
В моем незримом декабре,
Но то ль в противовес погоде
Вдруг заведется бес в ребре.
Тогда в пергаменте тумана
Прибавит скорости земля.

И я, как ветер ураганный,
Хлещусь лицом о тополя,
О чьи-то прожитые годы,
Что рикошетом – по глазам.
И горло стискивает воздух,
Пульсируя, как стрекоза.
И времени нащупав вожжи,
С лица отмахиваю тень...
Мне обещали жизнь попозже,
Но не назвали точный день.

Чем я живу? Сама собою,
И этим ветром, и листвою,
И легким заревом заката,
И тем, что был и ты когда-то.
Беда – не камень, растворится,
Любовь с любовью сговорится,
Ну а молва, бог с ней, с молвою...
Что будет, поросло травкою.

Начинаю летоисчисленье
С той минуты, как колючий дождь,
Выбрав поудобнее мгновенье,
Саданул в меня свой меткий нож.
С той поры я не могу согреться.
В шесть часов остановилось сердце.
Я его тихонько завела.
Не пошло. Такие вот дела.
А тебе дарую исцеленье

И от адских мук, и от огня.
Начинаю летоисчисленье
С той поры... как больше нет меня.

Вы знаете, я тоже так хочу:
Во время бала вдруг упасть без чувств
В объятия черноусого гусара,
Потуже талию втянув в корсет,
Ночами вышивать ему кисет,
А мне твердят: с ума сошла, Тамара.

Вы знаете, я тоже так хочу:
Укутав плечи в легкую парчу,
Лететь ветрам предутренним навстречу.
Бег иноходца резок и упруг,
Над головой – судьбы прозрачный круг,
А мне в ответ: ну что ж, еще не вечер.

Вы знаете, я тоже так хочу:
От звезд мерцающих зажечь свечу
И с ней предстать, на жизнь не уповая,
Пред храмом, где, уйдя от суеты,
Взирать на лики светлые святых.
Не говорите: так, мол, не бывает.

Бывает все: и я смотрю вокруг,
На повседневных дел суетный круг.
На перечень идей, увы, не лестных,
Я задыхаюсь в дыме сигарет,
Но по ночам крою себе корсет
По талии своей. Трехместный.

С доказательством вещественным –
Комкаю в руке билет –
Я в трамвайчике общественном
Репетирую балет.
Рельсы то ровны, то скрючены
Под колесами поют.
И движением заученным
Я на цыпочки встаю.
Теснотой меня обидели,
Заслонили белый свет.
Я молюсь этой обители
Столько зим и столько лет.
А дома плывут балконами,
Нависают вороньем.
И трамвайчики бессонные –
Каждый в мыслях о своем,
Каждый – с памятью застывшею
И с рекламою с боков,
И горит звезда над крышами
В акварели облаков.
И летит по звездным улицам,
Рельсы трогая едва,
Весь от холода ссутулившись,
Первый утренний трамвай.

Крыло мотылька – весло,
Как небо, цветут васильки.
Наверно, тебе повезло
На том берегу реки.

Наверно, прошли холода,
Водичкой стекли к крыльцу.
Наверное, маска из льда
Тебе уже не к лицу.
Наверно, налажен мост,
А, может, ходит паром.
И травы погнали в рост,
Поскольку был первый гром.
На этом же берегу –
Деревья стоят в снегу,
Застывшие берега
Не может пробить река.
И птичий застыл полет
И лед, понимаешь, лед...

В этом доме цвета вишни,
Где живут событий гроздя,
Я была лишь третьей лишней.
Я была здесь просто гостьей.
Был рассвет белее мела,
Ночь была чернее сажи,
Что я с этого имела,
Просто так, увы, не скажешь.
Может, кто-то был счастливей
В этих стенах, в этих далях,
Или шли здесь гуще ливни,
Были разовой печали?
Иль судьба явила милость,
Прихватив от счастья малость...
...Как легко мне приходилось,
Как мне просто улеталось!

Владимир Щербинин

ЭХО КОРОТКОГО СНА

Я жизни край искал в бескрайнем.
 Но кто из смертных не грешил,
 кто в снах не облачался в тайну
 обратной стороной души.
 И, смутно вглядываясь в это,
 кто не расслышал, веря в сны,
 хруст переломлённого света
 и крик разбуженной струны,
 и стон из забытья, украдкой
 зовущий к дальней полосе.
 Мы выпадаем в сны осадком,
 но возвращаемся не все.
 И я! О, как собаки выли!
 И кто-то черный рядом был!
 Меня вчера во сне убили,
 а другу снилось, что убил.

Мудрецы, указуя перстом
В направлении мнимого света,
Рассуждают об этом, о том,
Только жизнь и ни то и ни это.
В книге истина. Истин не счесть!
Глупость скажет в угоду поэту:
В этом что-то правдивое есть...
Есть, ответит, а думает – нету...
Птица бьётся, не видя, в стекло.
Мы об мир бьёмся. Или, до срока –
Тело здесь, а душа далеко.
Всё течёт. Мы течём, что вода,
И, как дети, узревшие чудо,
Улыбаясь. Несёмся в «туда»,
Словно кто возвращался оттуда.
Всё не так! Всё не там! Всё в огне!
Я же занят нелепой игрою,
Потому-то прижился во мне
Тот, который был выдуман мною.

Бегущим крысам – бабочку на шею
Из белых клавиш третьего рояля:
Из двух разбитых я построю лодку
И уплыву на острова безумства.
Прощайте лошади, жрецы и дети,
Притворщик Гамлет и хранитель мумий,
Сыграй, звонарь, прелюдию к покою!
И разрыдается Пьеро в колпак колодца...
Я – шут! Мой балаган в домах свиданий,

Где старики приклеили улыбки
На губы, что привыкли букву «я»
Произносить, как «мы» без многоточья.
Эй, мудрецы, вы бредите словами,
Расплавив мысли в синие чернила,
И я пускаю пузыри воображенья
В потоки книг, смывающих сознание.
Свободен! Я один и нет второго.
Лечу на крыльях головы безумной!..
И пусть твердят, что люди те же рыбы, —
Я сбросил жабры в материнском чреве.

САЛЬТО АНХЕЛЬ

Луна на небе эполетом,
Как аксельбант, висячий мост,
И водопад мерцает светом
В нём вечно падающих звёзд.
И время поминутно тонет,
На перекатах мерный хрип,
Я черпаю туман в ладони
С чешуйками незримых рыб.
И кто-то плачет одиноко,
Быть может, на моей звезде,
И херувим портрет пророка
Мечом рисует на воде.

...Кашея смерть не отыскать в голубке,
Фатального в прекрасном не найти.
Глаза летят из черепа-клетки,
Разламывая веки, как скорлупки.

Подброшу время в циферблат машин
И воскрешу сгоревшее за мною.
Улит доктрина выжженной души
Войну волос, сражение с сединою.
И гибнут в рукопашной волоса!
Но, гребешком зализывая рану,
Я Буддою пророчу с колеса
Жизневращенье с выходом в нирвану.
Кусок луны – как раскаленный кокс,
Чертями в небо брошенный из пекла.
Свободный стих – вселенский парадокс!
Я чтец с воды, я переписчик с пепла,
Я звездный шар, я мыслями запущен
По чёрному сукну до лузы дня.
И надо мной, как было до меня,
Юродивые пляшут в райских кущах.

Поезда уходят на Ростов.
Не прощаюсь, никого не встретил.
Красок нет. Последний тюбик слов
я потратил в уходящем лете.
Грубый холст осенней тишины
в относительном покое суток.
Все деревья листьев лишены
за такой короткий промежуток.
Что упало, ветер вдаль унес,
и мне шепчет осень, догорая:
«От каштановых густых волос
облетаешь, милый?» – Облетаю...
Откровеньем застудило кровь,

и сказала птица, улетая:
«Юный мальчик не вернется вновь.
Понимаешь, милый?» – Понимаю...
И сорвал я с тишины покров,
в судорогах бился до рассвета.
Красок нет. Последний тюбик слов
я вписал в обманчивое лето.

Любовь моя – не вздохи при луне,
Не песни Леля, вкрадчиво обманны,
Не свадебным портретом на стене
В насмешку для гостей всегда незваных.
Любовь моя – не сладостный родник,
Мурлыкающий в зарослях осота,
И не оконный обветшалый лик,
С которого слетела позолота.
Моя любовь – пустыня декабря! –
Где подозренье шарит по пространству,
И грех играет роль поводыря,
Ослепшему в метели постоянству.

ВОСХОЖДЕНИЕ НА ДНО

Оцепененье города к зиме.
Голодный рай собак в местах бесплодных.
Смещение пространства в полутьме
загадочней улыбки Ла Джоконда.
Что может быть таинственнее звезд,
зажженных на немислимые сроки:
вверху, внизу, на юге, на востоке
империя на миллионы верст!

Здесь мы тянули жребий бытия
короткий – кто ж тому виною,
что кто-то близкий на планете «Я»
сойдет с ума, не встретившись со мною
к зиме... Скелет домов остыл, лежит
подобьем каменного слитка,
так появляется из чрева пустоты
пространством искаженная улыбка.

КОНЦЕРТ ДЛЯ ТИШИНЫ С ОРКЕСТРОМ

Один. И вечность впереди
без провожающих у входа.
Лишь одноместные ладьи
тоскуют о глубинных водах.
Все странно так. Кусты легли
на ветра лист мотивом грубым,
как будто кто из-под земли
приложил к тонким корням губы.
Мой друг вздохнет – готов чудак!
И мрачно выдохнет: налейте! –
И заиграет без труда в миноре
на стеклянной флейте.
Сезон луны, в крестах лучи,
там ведьмы шастают ночами.
И музыканты – трубачи
главенствуют над скрипачами.
Обетованные места!
Густое пастбище на воле.
О, как пронзительно чиста
слеза ребенка в соль бемоле.

Николай Бабкин

ФИОЛЕТ

Ночь в своей чеканной чаше
 Вынесла из прошлых лет
 Свежесорванных ромашек
 Фиолетовый букет.

И когда в хрустальной вазе
 Место заняли цветы –
 В фиолетовом экстазе
 Из цветов явилась ты.

В фиолетовой одежде,
 Мягко юбками шурша,

Бабкин Николай Федотович. 1931–2008 г. Родился в селе Сафоново Алтайского края. Сразу после Великой Отечественной войны его отец, Федот Иванович, перевёз семью в Киселёвск. В 1948-м Николай поступил в Киселёвский горный техникум (первый набор), где получил специальность РУМ – «разработчик угольных месторождений». Впоследствии окончил заочный Университет технического прогресса. Работал горным мастером и начальником смены на шахте «Тайбинская». В 2003-м году переехал в город Полысаево. Стихи Николая Бабкина публиковались в газетной периодике, в краеведческом трёхтомнике «Киселёвск в моей судьбе», и в журнале «Огни Кузбасса». Изданы четыре книги стихов.

Подошла ко мне, как прежде,
Не спеша и чуть дыша.

Фиолетовые губы,
Фиолетовый берет...
Знаю, вновь меня погубит
Фио-фио-фио-лет!

Фиолетовой такою
Ты присела у стола.
Лёгкой, нежною рукою
Подняла бокал вина.

И сказала: «Видишь, милый,
Снова я к тебе пришла...
Я тебя не долюбила,
Я тебя недопила!».

И всю ночь со мною рядом
Ты реальностью была,
Целовала неоглядно
И слезами сердце жгла.

А к утру в иные дали
Ты ушла. И, как в огне –
Две слезы дрожат в бокале,
В фиолетовом вине.

Фиолетовым подкрашен,
В окнах ширится рассвет...

На столе букет ромашек –
Фиолетовый букет.

ПРОПЛЫВ ВНИМАТЕЛЬНЫМ ДОЗОРОМ...

Проплыв внимательным дозором
Над медленной речной водой –
Туман увяз
 в вершинах бора
Седую, мягкой бородой
И задремал...
Шептались сосны.
Но вот, что богатырь, сплеча
По бороде тумана солнце
Хватило лезвием луча.
И –
 пала борода на травы,
На хвою сосен, на кусты
Отрадной утренней прохладой,
Огнём сверкающей росы.

АХ, КАКОЕ ПАРНОЕ УТРО...

Ах, какое парное утро!
Молоком-молоком,
 в молоке
Я плыву на лодчоночке утлой
По кумарно-кемарной реке.

В камышах невидимых утки
Сонно крикают,
 и вокруг –

Тонкорунную сыплет пудру
Дед Туман из невидимых рук.

Иногда в пелене тумана
Открывается вдруг окно,
И встаёт перед взором
тюльпанное
Берегов лукоморных панно.

Это явь не из грёз и снов...
Речка, лодка, туман и я –
Суть связующее звено
Неразрывной цепи бытия.

ВГЛЯДИСЬ, МОЙ ДРУГ...

Вглядись, мой друг,
Как хороши цветы!
Они грустить и улыбаться
могут,

И понимать меня,
И знать мои мечты,
И жизнь мою,
И в ней – мою дорогу.

Среди мирских забот и суеты
Я бесконечно благодарен Богу
За то, что Он,
Послав меня в дорогу,
Позволил для души
С собою взять цветы.

МОЛИТВА

Не покинь меня, Отче,
В минуты душевных сомнений,
Дух укрепи мой
И к Истине путь укажи;
Места во мне не оставь для
сомнений,

Для пустословия,
Для вероломства и лжи.

Убереги от греховных дум,
От их воплощенья;
И беззаконных деяний скверну
Омой.

Милостью Божьей своей –
Сниспошли вдохновенье;
Силы мне дай устоять
Перед мрачною тьмой.

Перед тобой, творец мой,
Суший в лице триедином –
Каюсь в грехах моих,
Вольно или невольно свершѐнных.
Прости меня, Боже,
Помилуй мя, блудного сына,
Не дай мне предстать
Перед тобою
Опустошѐнным.

Дай мне любви и добра
Многочисленных зѐрен,

Благослови их посев
И плевелам не дай прорасти.
Дай, чтобы поле созрело
Под вешними зорями,
Дабы в грядущем
Сильней и прекрасней цвести.

Веру мою к тебе укрепи,
Убереги от соблазнов;
В миг испытания духа –
Не отвернись, не покинь,
Места в моём существе не оставь
Для гордыни и праздности...

Во имя ОТЦА и СЫНА,
И СВЯТАГО ДУХА.
АМИНЬ.

Ночь торжественно спит.
Рассыпаны звёзды в пруду,
И струится в глаза мне
Их глубинный,
зовущий огонь.

Наклонился к воде я,
Подчерпнул ладонью звезду,
Но звезда
протекла
сквозь ладонь.

Владимир Еранов

Как ни упражняй своё стило,
достаётся, видимо, по блату:
более талантливому – зло,
менее талантливому – благо.

Тот – бездельник, этот – ценит труд,
каждый занимает свою нишу:
более талантливые – пьют,
менее талантливые – едят.

Отстранясь от мелочных забот,
пьют, решая вечные вопросы:
более талантливые – пот,
менее талантливые – слёзы.

Еранов Владимир. Живёт в городе Ленинск-Кузнецкий. Печатался в местной и областной периодике, в журнале писателей России «Огни Кузбасса», литературных альманахах «Кольчугинская осень», «Образ», Автор двух книг стихотворений «Когда б мне снова было двадцать лет...» и «Неловкий взмах руки».

Выпадет и нам когда-нибудь
видеть за пределом слов и формул:
более талантливому – суть,
менее талантливому – форму.

Вот и пробил час – открыть глаза
на удел души и участь плоти.
Более талантливые – за.
Менее талантливые – против.

Когда-нибудь и я умру.
Мне будет весело. Вам – горько.
Не хмурьтесь. Помяните. Только
не похмеляйтесь поутру.
Я сам был выпить не дурак,
когда к тому был случай, повод,
но, как подсказывает опыт,
избави Бог вас пить с утра.

Когда-нибудь и я умру,
как жил, без распрей, склок и споров,
к большой печали кредиторов,
мною оставляемых в миру.
Вот будет смеху – наблюдать,
как, с горя спятив, станут клясться,
бурча, мои заимодавцы
мне, всё простив, за всё воздать.

Когда-нибудь и я умру,
меж двух миров сотру границы,

покаявшись вскоре возвратиться
в свою сибирскую «дыру».

И, давши слово, как нару-
шить я посмею это слово?

...Мне суждено вернуться снова
в тот мир, в котором я умру.

Неловкий взмах руки привёл
тебя, похоже, к катастрофе:
летит с подноса чашка с кофе
и с шумом падает под стол.

Случайный жест, напололам
рассекший неумело воздух!
И, вслед за грохотом, твой возглас
с упрёком к собственным рукам.

Но, умоляю, не спеши
так обвинять себя в промашке,
ведь кофе, пролитый из чашки,
не очернит пятном души.

Проступок твой – один из тех,
за что прощённым был бы каждый!
О если б в мире этом *так же*
прощался нам и больший грех...

«Жизнь без идей загадки лишена, –
за чашкой чая молвила жена, –

иной из-за идей вступает в спор,
другой идёт на плаху и костёр».

В её словах не слышать я не мог
какой-то подозрительный намёк,
поскольку над идеями не чах
и избегал любых костров и плах.

Я не мыслитель вовсе, а пиит,
но что поделать, раз жена велит.
Весь день в раздумьях трудных морщил лоб,
но ни одной идеи не наскрёб.

И, ощущая, стало быть, вину,
что не сумел порадовать жену,
я как-то опасался, между тем,
внезапно стать творцом философом.

«Как будем жить, когда ни бе ни ме
ни у кого из нас нет на уме?»
Но мне-то что, я тут же: «Не серчай!
Пойдём, как прежде, пить на кухню чай».

Я взял четыре кусочка сала,
потом решил, что этого мало,
ещё четыре добавил к тем,
и тут же подумал, что больше не съем.

Но вдруг какая-то дюжая сила
его внутрь меня накидала с полкило,

стоило только забыться – и вот сало само стало прыгать мне в рот.

Похоже, сало, минуя разум,
крадётся к душе по особым лазам,
и, словно редут бригада солдат,
осуществляет её захват.

Затем, расширяя свои владенья,
забыть принуждает про хлеб с
вареньем,
и, закрепив пожизненный гнёт,
стирает память про сахар и мёд.

Если начнёт объяснять иной, как
оно его манит своей прослойкой,
не стоит вступать в полемику с ним,
он – салолобец, и он – одержим.

Он думает, как еретик о расколе,
о сале копчёном, о сале в рассоле,
и, словно о некоем постыдном грехе,
о сале в луковой шелухе.

Он режет его большими кусками,
он мелко дрожит, он слюни пускает,
и страсть достигает особых высот,
когда он его в свои руки берёт.

И он говорит: аллилуйя, осанна,
хочу, чтоб повсюду было лишь сало,

пусть сало-дороги ведут в сало-лес
и солнце из сала пусть светит с небес!

Когда же бесследно в конце ритуала
в утробе бездонной теряется сало,
он, вытерев губы, возводит хулу
на пищу иную, что носят к столу.

ЗАБВЕНИЕ

По утрам мне – ни дна, ни покрывки:
стоит только очнуться от сна,
тут же свет, ослепительный слишком,
брызнет прямо в лицо из окна.

Ах, глазам, словно пяткам, щекотно!
Защитишься от света рукой,
вспоминая, какой день и год, но
не припомнив, кто сам ты такой.

Заслоняясь от мира зевотой,
то покажешь клыки, то язык.
В голове – неприличное что-то,
в мочевоом – нестерпимый позыв.

И нужда, словно клин, отделяет
ночь от нового буднего дня,
где заботами, как одеялом,
этот день укрывает меня...

Нина Сурова

Жест благородства, жертвенность, игра?
 Дарить себя и чьей-то быть до срока,
 Когда спохватишься – ты одинока.
 Но не бывает худа без добра.

Листве желтеть – задумано не зря,
 Срываться вниз и ударяться оземь.
 Недостигаемо красива осень
 До белых мух, до будней ноября.

Сурова Нина Александровна, в девичестве Митрофанова, родилась 10 мая 1961 года в городе Киселёвск Кемеровской области, в семье рабочих. После окончания педагогического училища в 1980 году приехала в Ленинск-Кузнецкий, где работала учителем начальных классов. Стихи публиковались в журналах: «Огни Кузбасса» (г. Кемерово), «Фантастическая среда» (г. Барнаул), «Русское эхо» (г. Самара), «Лифт» (г. Москва); в коллективных сборниках: «Паровоз – пятьсот колёс» (г. Кемерово), «Эхо восьми голосов» (г. Ленинск-Кузнецкий); в альманахах: «Кольчугинская осень» и «Образ» (г. Ленинск-Кузнецкий), «Жарки Сибирские». «Рождественская звезда» и других. Автор четырёх книг стихов, член Союза писателей России. Живёт в Ленинске-Кузнецком.

На скамье старинной с завитками
Пьёт старуха мелкими глотками,
Фонари качаются от ветра...
Грусть бывает тоже в стиле «Ретро».

Садись, мой кот – со мной поплачь
О жизни беге,
О ветхих крышах серых дач,
О талом снеге,
О хмурых днях, о сентябрях,
О блеске рамы,
Веками мытой в букварях
Руками мамы.
Четвероногий брат, поплачь
Со мной о вьюге,
О цепи мелких неудач,
О злом недуге,
О чести – смолоду, игре,
О платье – снову,
О неотмщённом «сверхдобре»
Чужого слова.

В этом городе, где ты
не был,
Я живу не по твоим
нотам.
И срывается на крик
небо...

В этом мире для меня
кто ты?
В этом городе асфальт
хрупкий —
Проступает хромота
в беге.
Курыт серые дома
трубки,
О последнем загрустив
снеге.
В этом городе ветра
мокнут,
От дождя не отвернув
лица,
Где привычно, распахнув
окна,
По утрам крошу стихи
птицам.

ЛИСТЬЯ

Дождливо и серо, и запах тревоги...
Что чувствуют листья, спадая под ноги?
Деревья в раздумье, опущены веки.
В них что-то такое, что есть в человеке.
Им ведомы те же и горечь, и муки.
И так же душа голосит от разлуки.

Снились твои глаза...
Утро. Остывший чай.
Касса. Билет. Вокзал.

Тихое – «не скучай».
Шаг по перрону. Вздох.
Слева в груди – стук.
Ласковый переполох
Милых твоих рук.

Уже давно по городам
Плыла весна в ледовом хрусте,
Бездомный ветер к проводам
Цеплял остатки снежной грусти...

И расстояния круша,
Рвалась, заламывая руки,
К твоей душе моя душа,
С ума сошедшая в разлуке.

Слова истрачены, так что ж...
Пусть пылкий нрав их поостужен –
Ты так мучительно похож
На то единственное – «нужен».

Унылая правда плетёт паутинку...
Другая тебе застилает простынку.
И мне не светает, не ночь, и не спится.
А помнишь, ты плакал у окон
больницы?

Потом мы бродили по нашей тропинке
От первой звезды и до первой росинки.

Теперь вспоминаешь хоть с капелькой грусти?
А как там скульптура младенца в капусте?

Кивают макушками ёлки при встрече?
Да ты не печалься – здесь кормят и лечат.
А мне всё равно, что больнично, что бело.
А мне – чтоб душа у тебя не болела...

ПОПОЛАМ СО СНЕГОМ

Я правда тебя простила.
Не думай. Не мучай сердце.
И утром осенним стылым
Не стой на таком ветру.
А время – не шагом. Бегом.
А шарф, ты... Ах, да, не носишь.
Дожди пополам со снегом –
Сквозь дым запотевших труб...

Теперь я живу стихами.
И смех в окаёме грусти.
И медленно дни стекают.
Чем бережней, тем больней.
А скоро зима – из плена.
А ноги – в тепле? Не мокнут?
Всё так же болит колено?
К погоде, к ветрам... Ты – с ней?

Вороны с утра кричали...
Ночами, хотя бы, спится?
Соседи бренчат ключами.
Темнеет. Включили свет.

А я пироги с капустой
Сегодня пеку. И плачу.
Пустяк – обожглась... Не пусто.
Не жутко. Не холодно. Нет.

ЗНАЮ

Вот и всё – карнавал
не вечен.
Недосказанность слов
унёс ты.
И притихший январский
вечер
Вышивает печалью
звёзды.
Назови это сном,
судьбой ли,
Только память тоску
не отпустит.
Знаю, любишь меня
до боли,
до седин,
до космической грусти.

Тоскливо. Темно. Январь.
В снегу, за окном, не весел сад.
Скулит на луну фонарь.
Рассвет на ветвях повесился...
Испившая чашу зла,
Я полуживая выстою,
Сражённая из-за угла
Твоим телефонным выстрелом.

Наталья Привалова

Когда однажды я уйду,
Никто ни капли не заметит,
Лишь небо полночью отметит
Над лесом новую звезду.

Когда однажды я уйду,
Вспорхнут испуганные птицы,
Колосья будут колоситься,
И листья мокнуть на пруду.

Когда однажды я уйду,
Дождем умоются аллеи

Привалова Наталья Викторовна, родилась 24.10.1975 года в городе Ленинск-Кузнецком. В 1993 году закончила среднюю школу № 8. В этом же году поступила в Ленинск-Кузнецкий горнотехнический колледж, специальность «Бухгалтерский учет», который окончила в 1995 году. С 1995 года по 1997 года работала в УСЗН г. Ленинск-Кузнецкого специалистом. С 2000 года по 2005 год обучалась в Международном институте экономики и права по специальности «Юриспруденция». С 1997 года по настоящее время работает в Ленинск-Кузнецком городском суде секретарем судебного заседания.

И, тополиным пухом тлея,
Осядет иней на траву.

Когда однажды я вернусь.
Вы дверь тихонько отворите
И огонек во тьме зажгите,
Когда однажды я вернусь.

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Суэта, чемоданы, дорога, вокзал,
Снова рельсы, на столике – ужин,
Я спешила туда, где никто и не ждал,
И никто никому был не нужен.

Я читала стихи под дорожную звень,
Поезд мчался по времени кругу,
И мелькали в окне огоньки деревень,
Как глаза васильковые друга.

А потом мне почудилось небо и рожь,
Что купала колосья в лазури,
И ты был на себя, ну совсем не похож,
Словно эхо промчавшейся бури.

Так спокойно, с улыбкой на юном лице,
Ты стоял между небом и рожью,
Поезд мчался по кругу и в этом кольце
Полу правда граничила с ложью.

Я себе напридумала черти чего,
Заблудившись в глазах васильковых,

А действительность молча смотрела в окно,
Через тысячи «нет», через тысячи «но»,
Ударяя стальной подковой.

Сыро, ветрено и хмуро,
Облаками дышит утро,
Фонари глядят уныло –
Отболело, отлюбило...

По-осеннему ненастно,
Бисер дождика – на счастье,
Грею чувствами ладони,
Лето катится в вагоне.

Скоро, скоро грусть уляжет,
Расцветут ромашки даже,
А пока не то, чтоб очень,
Но души коснулось осень.

ПОЭЗИЯ ЗИМЫ

Фиалки на окне и небо в звездах,
И ты одна среди потерянной зимы,
Так грустно, одиноко и морозно,
Свет лампы, как подобие луны.

Какая-то неведомая тайна
Стоит за этой чуткой тишиной,
И тени на снегу, и взгляд случайный,
Задумчивый, далекий и родной.

Минуты словно сотканы в столетья,
Снежинками садятся на ладонь
И ты уже попала в эти сети,
И ты уже сгораешь, как огонь.

Доверчивое сердце не остудишь,
И памяти любить не запретишь
Люби, куда жить на свете будешь,
Живи, пока в огне любви горишь.

И пусть сейчас так грустно и морозно,
Свет лампы, как подобие луны
Фиалки на окне, фиалки в звездах –
Поэзия потерянной зимы.

ДЕТСТВО

Был дом, береза под окном,
И небо ясноокое,
И вот однажды в октябре
Крикливый, розовый конверт
Внесли, дверями хлопая.

Росла береза, падал лист,
Сменялись зимы веснами,
И у белесого ствола
Склонилась чья-то голова
С глазенками серьезными.

Спокойно было и тепло,
Но вот все вещи собраны,
В коробке плюшевый медведь,

Пробит автобусный билет
На все четыре стороны.

Шли годы тихой чередой,
Девчонка стала взрослою,
Но вспоминается, порой
Береза с белою корой
И золотыми косами.

Был дом, береза под окном
И небо ясноокое...
Увы, березы нет давно
И смотрит в бледное окно
Лишь детство одинокое.

ТОПОЛИНЫЙ СНЕГ

Добрый, красивый, хороший,
Ты улыбаешься мне,
Мягкой июньской порошей
Пух тополей на окне.

То ли от солнца теплее,
То ли от ласковых глаз,
Стелются пухом аллеи,
Далью манящие нас.

Ласковый, кем-то любимый,
Светлый и легкий, прощай.
Кружится снег тополиный,
Делая белой печаль.

Может быть, встретимся снова,
Скажем друг другу: «Привет!»,
Но без единого слова –
Пух тополиный в ответ.

ЛЕНИНСКУ-КУЗНЕЦКОМУ

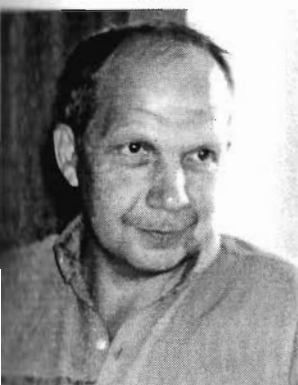
Я люблю этот город неброский,
Говорю от души, не тая,
Город-труженик, город шахтерский,
Здесь мой дом и Отчизна моя.

Пусть немного он в угольной саже,
И огнями не блещет проспект,
Но величество многоэтажек
В двадцать первый вонзается век.

Он едва обозначен на карте,
Не знаком большинству поездов,
Все же, маленький город, представьте
Мне дороже больших городов.

Здесь черемуха дышит стихами,
И рассветы качает Иня,
Негасимое пламя, как память,
В 41-й уносит меня.

Бьется угольных залежей сердце,
В отвоеванных недрах земли,
Я горжусь тобой, Ленинск-Кузнецкий,
Не скрывая дочерней любви.

Валерий Ухандеев

Ночь небрежно на длинный ноготь
Нанесла красный лак зари,
Словно пальчиком хочет потрогать
Созревающий мандарин.

Улыбнувшись, целует
Розовощёкий свет.
Вырастают так быстро в июле
Из своих светоносных лет.

Вырастают из зёрнышек злаки,
Вот и солнечное молоко
С губ обсохло, и как не плакать,
Если на душу так легло.

Ухандеев Валерий Константинович, родился 29 сентября 1962 года в Горной Шории. Основатель литературного течения в современной русской литературе как риптопозия. Публиковался в Петербургских и Кемеровских журналах. Автор книг «Шахтёрский байки», «Вещь», «Интуэрэ», «В масштабе криптопозии». Проживает в Польшаево. Гражданин Республики Иня.

Тишины распущенные волосы,
Словно воск, спадают с плеч свечи.
Мотылёк в Эдемской области
Шестикрылый получает чин.

Пламя, крыльями листая,
Ищет где же там о нём
Напророчествовал Каин
Кровью, вспыхнувшей огнём.

В взмахе вечности увязли
Плаха – стол, топор руки.
И пронзив Эдемский азимут,
Липнут к лампе мотыльки.

Снег приходит прозрачным
В этот призрачный миг.
Опускаясь на спящую дачу
Со звезды Альтаир.

И становится чисто
На земле, и сотни стрекоз
Собирают прозрачные листья
Осенних звёзд.

Тихий ангел просёлочный город
Пересыпал крест накрест тоской,

Словно это погост какого-то
Перепутка под лунной пятой.

Хочу чтобы всё застыло напрочь.
Так прочно, чтобы не содрать
Вот с этой лужи ледяную наволочку,
Застиранныю снегом гладь.

Бесприкословно вынести и спрятать
Свой мир в осколок ледяной.
Из неизвестности хрустально-пятый
Всадник возвращается домой.

И этот путь метельно долог
Был в откровении его...
Ночь. Загипнотизированный город...
Осколки льда, как гвозди от подков.

Звёзды – огненные крысы,
Лунный сыр им по душе.
Бессмысленно высматривать смысл
Налитых в тарелку щей.

Пресыщенность ложной сутью,
Что же ты через край
Льёшь прошлое на перепутье,
Услышав времени лай?

Кровь – это грифель сменный,
Впиталась в мягкий графит,

И, словно капля глинтвейна,
Черновики пьянит.

Окрысилось небо звёздами,
Роза обвила крест.
Молчание роздано,
Как отрицательный жест.

Острым углом к искомому
Мировоззрения штрих.
Окно диафрагма комнаты
Мыслей мерцательных.

Бытоизломанность в корне
Стола ствола слов.
Тетрадь. Перочинный затворник
Стер стопы кириллицы в кровь.

Строка словно черная кошка
Прошла между этим и тем
Очертанием мира. Продолжена
Клинописью изотерм.

Спускаться всегда опрометчиво
В провалы температур,
В рутину противоречий
Души и игольчатой ртути.

Прошрое скомкано
Оконной пятерней,

Осталась пуповина телефонная
Комнаты нежилой.

Ночь. На столе в сугробе света
Поразбросаны черновики.
Будильник продолжает сетовать:
О нём нет ни строки.

И знает он, как только остановится
Я посмотрю на время свысока.
Со сновидением прощание на восемь.
Укажет мне его рука.

А рядом снег зачеркивает небо.
Наклонным почерком скользя по
темноте.
Настольно лампы золотая скрепа
Соединяет не и бытие.

Вечер смотрит на Польшаево
Через плечо террикона.
Солнце, как запылённая «Ява»
Ужинает за бензоколонкою.

Опрокинута бездна на небе
Лак заката блестит
На домах, как на мебели
Из железобетонных плит.

Прячет даль гобелены
В пятиярусные шкафы,
Час предутренный будет белым,
Как цветущий млечный ковыль.

Провалилось столетие
В угольный карьер
Домик, там на Мерети,
Пережил царя и СССР.

ПОЛЫСАЕВО

Люблю задумчивость твою
В осенний холод.
Тропу, ушедшую в листву
И вечер скорый.

Уходит навсегда тропа
К святоотеческому снегу.
Заката старая арба
Везёт луну, как каторжанку беглую.

Бессонница дорожных фонарей,
Асфальт, как кожа саламандры
И снег у солнечных дверей
Звенит, как колокольчик ландыша.

Зима и улицы строка
И запятая переулка
И город белокаменный
Такой, как ты его задумала.

Елена Шантаева

НЕНОРМАЛЬНАЯ ЛЕНЬ

Родиться с ленью – огорчение.
 Не вызывают интерес
 Ни праздники, ни развлечения?
 Бывает даже лень поест?

Ужиться с ленью – это просто,
 Но есть особенная лень –
 Лень человеческого роста
 И шириною в целый день.

Проститься с ленью – это чудо,
 Какого может и не быть.
 Но если вымою посуду,
 То этим лень могу убить.

Шантаева Елена. Родилась г. Ленинск – Кузнецкий, 26.02.1984 года. Образование среднее. Домохозяйка. Печаталась в журнале «Огни Кузбасса», в альманахе «Кольчугинская осень». С 2000–2001 участница литературной группы «Тропинка к парнасу». 1999–2000 участница литературной группы «Парус». С 2006 по сей день участница литературного объединения «Лик». Победитель фестиваля «Рождественская звезда» 2020 года. Проживает в г. Ленинск-Кузнецкий.

Затеплился рассвет,
И свято веришь в чудо.
Ты ждёшь, а чуда нет
И никогда не будет.

И почему, за что,
Когда закаты в моде,
Ни веришь ни во что,
А чудо происходит?

ВЕТЕР ПАМЯТИ

*«Раскапываю память
Я зубами...
Но в ней лишь кости
Детства моего»*

А. М. Бельмасов

Помню вой и рёв ночного ветра,
Скрип его зубов
И километры
Грозового пасмурного лета,
Молнии и грому без конца.
Вспоминаю эту киноленту,
И знакомы лица и приметы,
Стены там оранжевого цвета,
Но не помню вашего лица.

Ветер выл, ревел, скрипел зубами,
О стекло царапался когтями,

Тучи в темноте сшибались лбами,
Создавая молнии разряд!
Память с позапрошлыми гостями
Извлекаю мелкими горстями,
Но могилу памяти с костями
Раскопала я сегодня зря.

СКУЧНО

Наскучили дома, комфорт, уют.
За воздухом направилась я в горы.
Не затевая праздников и споров,
Уйти туда, где примут и поймут.

Укрыться от машин и от людей,
И яростно в прекрасное поверить.
По эталону ничего не мерить,
А измерять всё верою своей.

Зарисовать пролившиеся тучи,
И солнца свет, и неба глубину,
И всё, чего не достаёт уму.
Хотя всего хватает, просто скучно.

МОМЕНТ ИСТИНЫ

Где истина? Каков её объём?
«В вине» – сказал мудрец, литраж не выдал.
А жаждущий сказал: «Пойдём найдём».
До дна он пил, но истины не видел.

Вина опустошив бутылки две,
Любитель истин выражался пылко

О том, что видел истину на дне,
И шёл за ней – за новою бутылкой.

СВЕТЛОЕ ПЯТНО

Ты слышишь, никогда не приходи.
Мой дом – мой храм, житейский,
А не гостевая.
И что с того, что в нём идут дожди
И снег не тает?
Искусственное солнце согревает.
А от него теплей,
Чем от людей
Со льдом идей.
И ярким одиночество бывает,
Хотя никто, наверное, не знает,
Что от него светлей.

ДАЛЬНЯЯ ДИСТАНЦИЯ

Далеко от тебя я сейчас
Как от Рая безбожник
Только ты много дальше
И вряд ли грустишь о судьбе
Мне идти до тебя по векам бездорожья
Чтоб приблизиться, хоть на секунду к тебе.

В сердце горечь, разочарование
В тех, кто дорог был ещё вчера.
Просто от свиданья до прощания
Радости короткая пора.

Я о ней сегодня снова вспомнила
И дождём наполнились глаза,
А по сердцу резанула молния...
Вспышка, звук и кончилась гроза.

Ты не принял моей верности.
Твой кумир – это плоть и страсть.
А секрет всей моей вредности
В том что ты для меня – напасть.
В том, что говорю с волнением,
А волнения вовсе нет.
С жалостью, а не с сожалением
Я тебе посмотрела вслед.

И вот ещё один балбес
Наплёл лирических чудес.
Зачем в поэзию полез?
И без того в ней мало мест,
Где всякий автор хочет сесть,
Как курица на свой насест,
Чтоб что-нибудь снести, прочесть.
А можно ль будет это съесть?

Прости, что я умею разжигать
Огонь из слов без запаха и дыма.
Мне зажигать его необходимо,
Чтоб в нём гореть и пламя созерцать.

Лето для каждого разное.
Лето моё не для вас.
Светятся звёзды алмазные,
Пишется летний рассказ.
Ночь уходящая вспомнится.
Вспомнится утро – одна.
В поезде еду, запомнится
Как я грущу у окна.

Молчание – вот верное смирение.
Молчание, а в чём его цена?
Молчание – название для семени,
Цветочком прорастает тишина.
А ягодкою – умиротворение.
И звуками гармонии дыша
Берёза шелестит листвою мгновения,
Танцует птица в поднебесье пения.
А инструмент и музыкант – душа.
Без звуков не услышит вдохновения.
И тишина без шума не слышна.

Как хочется кого-нибудь согреть
В холодное осеннее ненастье
И в чьи-нибудь глаза сейчас смотреть
Глазами, потеплевшими от счастья.

Василий Гуляев

НЕВОЛЬНИКИ СВОИХ АМБИЦИЙ

Невольники своих амбиций,
 У властных судеб на крючке,
 То высоко взлетаем птицей,
 То бьёмся рыбой на песке.
 Пока к нам благосклонны звёзды –
 И честь, и слава на пирах,
 Да только рано или поздно
 Мы превратимся в пыль и прах.
 Но, развиваясь по спирали,
 Нас снова времени виток
 Увидеть этих дней скрижали

Василий Гуляев родился в 1949 году в селе Косьма, Гурьевского района, Кемеровской области. Когда ему было 10 лет, семья переехала в Казахстан. Серьезно увлекся поэзией в последних классах средней школы. Первые стихи опубликовал в армейской газете. Основная профессия – строитель. Работал на стройках Москвы, Казахстана, Ленинск-Кузнецкого. Принимал участие в ликвидации аварии на ЧАЭС в 1986 году. Публиковался в альманахах «Образ», «Кольчугинская осень», в журнале «Огни Кузбасса». Изданы 3 книги стихов. С 1994 года живет в городе Ленинск-Кузнецкий.

Вернёт, ослабив поводок.
В другом явившись миру теле
Узнаем: что легло под спуд,
О том ли перьями скрипели,
За что нас помнят и клянут.
Пусть будет грустно и обидно,
Что нашу душу носит зверь,
Вот только бы не стало стыдно
За то, что мы творим теперь.

ОСКОЛОК

Старик – сосед мой – обожает пиво
за кружкой, часто теме невпопад,
он вспоминает про войну, про взрывы,
про страшный бой в предгорьях Карпат.
И так разгорячится постепенно,
что, прохрипев со всхлипом: – «Погляди!»
слезу уронит в бархатную пену,
рванёт рубаху на своей груди.
И пуговицы осколками шрапнели
пойдут по тесной кухоньке скакать
и обнажится борозда на теле
ходившего в атаку старика.
В той борозде металл чужой посеян –
войны подарок и её фетиш.
Прости, сосед, меня, прости Россею
ты добрый – обязательно простишь.
Меня за то, что опоздал родиться
и не понюхал пороха в бою,
а ту, что раз в году тобой гордится –
за боль непроходящую твою.

СОЗВУЧИЕ

Слух у меня не музыкальный
И к модным песням тяги нет,
Не отличить мне звон кандалный
От перестука кастаньет,
Но вот дожди проморосили,
Открылся светлый окоём
И я расслышал: есть с Россией
Созвучье в имени моём.
Не выпало отрыть мне Трою,
Но не молол я чепухи,
С рассвета до заката строил,
А по ночам писал стихи.
Метафор кованые гвозди
Я так вколачивал в строку
Что строчка становилась гроздью
Таёжной ягоды в соку.
У тех, кто выше и зубастей
Не шёл покорно в поводу,
Родился и живу в Кузбассе,
Отсюда, видно, и уйду.
Пусть нет томов с моим курсивом –
Есть сын и дочь и сад с жильём,
Но главное, что есть с Россией
Созвучье в имени моём.

ВИНОДЕЛ

Пришла пора грехи итожить,
Шептать псалмы беззубым ртом
Пасу в саду коровок божьих –

Зачтётся, может быть потом,
Как винодел давлю ногами
Роскошный дар осенних дней
И получается с годами
Напиток гуще и хмельней.

РЫЦАРСКИЙ РОМАН

Пока не очумел от домоседства
Я по примеру славного идальго
На подвиги во имя дамы сердца
Пущусь на Росинанте двухпедальном.

Родимый край попрежнему заманчив,
В любую, даже скверную погоду
Моя Сибирь прекраснее Ламанчи,
Хотя на Пиренеях не был сроду.

А наши сосны выше ихних мельниц,
Бери копьё, сражайся, коль угодно,
Но я – с природой драться не умелец,
Не по душе и как-то старомодно.

Ведь подвиг – не сражение, а поступок,
Вот прикачу к своей любимой босым,
Она оценит, скромно взгляд потупит
Не то, что Дульцинея из Тобоссо,

Введёт меня в свой замок пятистенный,
Лафитники достанет из серванта.
А дальше мы отступим с ней от темы,
Которую открыл старик Сервантес.

ЦИФРОВОЕ

Им сомнений не ведомы муки,
Мир естественный больше не свят –
Мудрецы современной науки
Всё на свете оцифрить хотят.
Звук со светом в две цифры загнали –
Обошлись «единицей» с «нулём»,
Не с того ли на каждом канале
Нас пугают знакомым жульём?
Словно клоны – похожие лица
И нудят, как в тайге комарьё.
Неужели в «нули», «единицы»
Распечатают тело моё?
Оператор под барышни лепет,
Расчлняя на цифры меня,
Лишний «ноль» по ошибке прилепит
И придётся себе изменять.
И неважно – убог ли, красив ли
Окажусь я душой, изнутри,
Если всё же разложат на цифры,
Пусть меня – ну хотя бы на три.

ПРОХОЖИЙ

...Вы – из раннего утра,
как нимфа – из пены прибоя,
в стёклах модных очков
отражается летний рассвет,
проходя, улыбнулись чему-то,
незримо с собою

унесли мои думы,
смотрю, обернувшись, вослед.

То ли сердце шалит,
то ли город становится гулким,
Вы сейчас на подъёме
в заре растворились, почти.
Я случайный прохожий,
что вывел тоску на прогулку,
незнакомый прохожий,
попавшийся Вам на пути...

ЗЕРКАЛО

Не ври ей, зеркало, не ври
Твоя вселенная фальшива,
А эта женщина красива –
За то готов держать пари.

Ты лишь холодное стекло,
В котором утонула бездна,
Самостоятельно ты – бездарь,
Полезная пока светло.

А эта женщина сама
Источник и тепла и света,
Её сиянием согрета
В тебе скрывавшаяся тьма.

...Потом, когда календари
Сотрут с твоей оправы глянец
Она в тебя устало взглянет –
Соври ей, зеркало, соври.

Нина Глушкова

ПИСЬМО В 45-Й

В сорок пятый письмо напишу,
 Брызнут чувства на лист
 белоснежный,
 У живых и погибших спрошу,
 Разрешенье на подвиг
 бессмертный.

Буду рядом с солдатом в строю,
 По колено в грязи утопая,
 И в жестоком с фашистом бою
 Буду драться страну защищая.

Нина Петровна Глушкова Родилась в деревне Ново-Алексеевка Куйбышевского района Новосибирской области. Окончила Карасукское педагогическое училище. Работала в школе учителем начальных классов. В 1989 года переехала в Кузбасс. Живёт в городе Кемерово Красноярка Ленинск-Кузнецкого муниципального округа Кемеровской области. Текущее место работы – заведующая Красноярской сельской библиотеки. Член Союза писателей России с 2012 года. Поэт, детский писатель. Автор 13 книг, 12 из них для детей.

Все познаю: и холод, и зной,
Страх и злобу я с потом впитаю,
Только б он оказался живой,
По лучистому взгляду узнаю.

Он ушел, попрощавшись с женой,
Оставляя ей слабеньких деток,
Но с войны не вернулся домой,
И конверт затерялся с ответом.

Я пойду по дорогам войны,
Буду голод терпеть и усталость.
Где-то там, на просторах страны
Теплым холмиком память
осталась...

ГДЕ ТЫ?..

Где ты, дедушка мой, отзовись?!
Где ты, воин, солдат-победитель?!
Белой птицей душа взмыла в
высь,
Не вернулся с войны сельский
житель.

Где ты, дедушка мой, расскажи
Как в боях ты стремился к Победе,
Защищая страны рубежи
Отводил от людей злые беды.

Где ты, дедушка мой, не молчи.
На тебя не пришла похоронка.

«Я воюю, – писал ты в ночи, –
В десяти километрах от фронта».

Где ты, дедушка мой, подскажи
Где могилка твоя или холмик,
На полянке иль в поле во ржи
Земляной приютил тебя домик.

Где ты, дедушка мой, посмотри,
Ты намного меня стал моложе,
Вот уж внуки мои подросли,
Но увидеть тебя мы не можем...

Где ты, дедушка мой, отзовись?!
На земле ты сейчас или в небе,
Я тебе благодарна за жизнь
Не забуду тебя, где б ты не был.

СОЛНЦЕ НАШЕЙ ПОЭЗИИ

Посвящается А. С. Пушкину

Не просто Пушкина воспеть,
Его венец не достигаем,
«Глаголом» он всегда и впредь
Сердца людские обжигает.

Уходит в сторону покой,
Душа от нежных чувств томится,
Мир возрождается иной,
За каждой пройденной страницей.

Он был «иное существо» –
Две сущности, одно творенье.
Мысль облекая в мастерство
Он выдавал произведенье!

Поэт творил, в плену идей
Он эхом отражал те звуки,
Что чувствовал среди людей,
Передавая скорбь и муки.

Минуя будни, суету,
Наедине с самим собою,
Превозносил он простоту,
И жизнь увенчивал любовью.

Иным он видел белый свет,
Иными нам вещал словами...
Он величайший был ПОЭТ!
Во веки Пушкин будет с нами!

Посвящается В. Д. Фёдорову

Предвидел стихов открытие,
Ярким и крупным событием.
Хотел «когда сверкнет коса»
На мир глядеть во все глаза.
В душе он был не просто лирик:
Боец, герой, чуть-чуть сатирик.
И смерти не боялся, нет!
Ценил любовь он с юных лет!
В своих стихах он утверждает,

*Алексей
Гамзов*

Как причинное место
оголяя прием,
по дороге из детства
да в родной чернозем,

через яростный вереск
пробиваясь на свет,
словно рыба на нерест –
промелькнула, и нет –

все, что было под кожей,
передам по рядам,
но вот это, похоже,
никому не отдам: ..

Алексей Гамзов, 1978 года рождения, вырос в Ленинске-Кузнецком, закончил КемГУ (журналистика), всю жизнь работает по специальности в Кемерово, Новосибирске, Москве, а периодически и за рубежом. Публиковался в журналах различной толщены, выпустил сборники «Полноценный валет» и «Был таков».

этот флуоресцентный
глаз-алмаз в небесах –
несомненную ценность
для сказавшего «ах»,

этот даже не голос –
хронос, взятый внаём,
полоскавший мне полость
первосортным сырьем,

этот промысел смысла,
исчисление числа
с вящей помощью дышла,
коромысла, весла.

Вот работа для плуга –
я ль не плуг твой, Господь? –
ради воздуха, духа
резать землю и плоть,

быть, покуда не лягу
и легка борозда –
и трудом, и трудягой,
и орудьем труда.

ГОРНИЙ ДРУГ

Слабо ли в райские врата,
не причинив себе вреда?
дух оперировать без боли
слабо ли?
Слабо, витийствуя – рожать?

о братстве петъ – из-под ножа?
фабриковать, вскрывая вены
катрены
о смысле сущего? Слабо в
двух пулях выразить любовь,
сказать, мол, верю и надеюсь,
прицелясь?
Слабо не обломать перо,
построчно потроша нутро,
дословно на Сибирь, меся грязь,
ссылаясь —
источник счастья и обид,
что столь же чист, сколь ядовит?
Короче говоря, слабо ли
на воле?

Любимая, прости меня:
и жить без этого огня
невыносимо, и, тем паче,
иначе.

Я сам себя загнал, засим
я сам себе невыносим,
и – чудо – лишь тебе, постылый,
под силу.

Сами себе аплодируйте крыльями, птицы!
Город проводит вас в странствие, тысячелицый.
К югу, ребята! Довольно бесцельно носиться
в небе столицы!

Сонмы дерев, как неделю не бритые спички
машут ветвями вослед: «До свидания, птички!
Преодолейте, любезные: тучки; кавычки;
силу привычки».

Перелетая гурьбой за урез горизонта,
что же вы ищите, шустрые? Бунта ли? Понта?
Не удивлюсь, если попросту воздуха: он-то
и разряжён так,

чтобы впустить и вместить вас. Так будьте же скоры,
будьте смелы, поглощая равнины и горы,
пусть пощадят вас стихии и винтомоторы,
сети и своры.

Вы-то летаете вольно, а мы, не в пример вам,
разве что в адских машинах, подобны консервам,
а на земле мы рабы своим грусти и нервам –
как в Круге первом.

Род человеческий, занят своим аты-батом,
кесарь, рожденный елозить – завидуй пернатым!
Это они, а не мы, воспаряют к пенатам —
белым, кудлатым.

ГЕРОЙ

Место временное, время местное, шесть ноль-ноль.
Герой уже на ногах и готов ко своей голгофе.
Он жарит сосиски, разрезанные повдоль,
пьет то, что он называет кофе,
подходит к двери, на ходу вспоминая пароль.

Но в энном акте, в такой-то по счету картине
становится ясно, что пьесе не будет конца.
Взгляд застывает на праздно свисающем карабине.
Зритель уходит. Герой опадает с лица.
Марионетка преломляется посередине.

Потом герой убирает грим, угадывая в морщинах:
довольно ли на этого мудреца простоты?
Пока такой же герой, по ту сторону пустоты,
весь в амальгаме, как свинья в апельсинах,
ватным тампоном закрашивает черты.

Следующее «потом» наступает скоро:
по телу героя гуляет улыбка породы Чешир,
герою душно. Он смутно любит открытый ворот.
И вот водолазка сорвана, летит в окно, как нецелый Плейшнер,
падает и накрывает город.

По этому поводу немедленно наступает ночь.
Герой не спеша рассценивается, как светило,
которого нет, а за окнами так, точь-в-точь,
как в куда, знатоки говорят, не пролезть без мыла.
Рот уже на замке, но зевоты не превозмочь.

Теперь герой настолько раздет, что уже ни капли
не напоминает свой собственный всем известный фотопортрет:
какая-то ветошь, использованные прокладки, пакля.
Наконец, герой раздевается полностью, превращает себя в
скелет
И вешает себя в шкаф до следующего спектакля.

Про зверей из тех, что
не еда
мне хватает текста
едва.
Ходом черных через
черный ход
зверь имеет дерзость —
идет.
Кони ходят рысью,
рысь — конем:
этакою близью
рискнем.
Как орлом пятак не
пал на пол,
пятаком не звякнет
орел.
Вот он, страх лесной и
полевой,
вот он, поклик совий
и вой.
Кандидат на мясо,
на бобах,
дожидаясь часа
впотьмах:
за квасной, скромный
альфабет
переломит кто мне
хребет?
И не ты ли, Боже,
с полстроки
всадишь мне под кожу
клыки?

Юлия Сливина

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Солдат споткнулся и лежит.
 Потом второй, десятый.
 Так грудой дорогих костей
 Похвастаться здесь может каждый.
 Нет дома, где смогла б война
 Прошаркать мимо.
 Нет дома, где смерть не смогла
 Прошамкать имя.
 От наших песен есть ли толк,
 От оттепели нашей вящей?
 Не мы «ведем» бессмертный полк,
 А он нас тащит

Юлия Сливина – писатель, педагог, девиантолог (в таком порядке). Родилась в г. Ленинске-Кузнецком, окончила филологический факультет Кузбасского областного педагогического института. Заместитель главного редактора литературного альманаха «Кольчугинская осень». Публиковалась в журналах «Огни Кузбасса», «Русское эхо», «Тобол», в «Литературной газете». Автор книги стихотворений «Кормиться черёмухой рифм». Участник семинара молодых писателей «Рифейские встречи» в Камenskо-Уральском (2013). Член Союза писателей России с 2013 года. Живёт в Новосибирске.

За оба белые крыла к родным погостам.
И отличать добро от зла
Костным.

Матрос один на сто кают. Лет через восемьсот,
Когда гробовщики умрут, кто им сколотит гроб?
В тот год, когда в каютах хлеб рассыплется в песок
И из меня на Божий свет травинка прорастет...
За запотевшим тем окном, чтоб скулы враз свело,
Кто эту девочку возьмет за правое крыло?
Кто ей покажет красоту паденья в сотый раз?..
Но все сошлось... О Боже, ты все сделаешь за нас.

НА ТРЕТЬЕМ ЭТАЖЕ...

Алексею Бельмасову

На третьем этаже соседи беспокойны:
Он – в кураже, супруга – в мятеже.
Решается вопрос краеугольный:
Кто – сука? И кто ссучился уже?!
Она живет по зову гомофобии.
Он намекает на чахотку и инфаркт.
Ах, успокойтесь! Вы такие – оба!
И это, в общем, очевидный факт.
У месяца сегодня профиль умный,
И звезды не по-детски сожжены.
А у меня вот друг сегодня умер,
И хочется немного тишины...
Возьми с меня любые из обетов,
И слова не скажу я поперек!
Меняйся, Боже: я тебе – соседей,

А ты мне – друга! Ну хоть на денек!
Не разумею боговой науки.
Совсем не одобряю выбор этот.
Зачем в живых остались эти суки,
А умер вдруг талантливый поэт?!
Он перестал дышать на полустрочке,
Он посреди аккорда вдруг затих,
А эта саранча друг друга точит,
И никакого смысла – в жизни их...
Вот и сиди у райского порога.
Вот и чуди у тайной той черты.
А знаешь что?! Когда я стану Богом,
Я буду справедливее, чем ты!

Любить всех просто – по-отечески.
Сложней любить за ничего
И не абстрактно – человечество,
А представителя его!
Его, поэта и электрика,
Растящего пивной живот,
Его, недоинтеллигентика,
Душевного – в любой цейтнот.
Любить себя – такого – смог ли ты –
Или махнул на все рукой?
И этот город, мною проклятый,
Любить за то, что он святой!
Святой не угольными тоннами –
Хоть здесь подсчет рублей пустой –
Не размалеванной иконою –
Шахтерскими костями – святой!

Не шахты – братские могилы!
И будут новые! Так что ж?
Земного притяженья силу
Не перебьешь, не переждешь!
И спорить, и рядиться нечего.
Но полюбить сложней всего
Не отдаленно – человечество,
А представителя его!

О НАБОЛЕВШЕМ...

А. Б.

Едва успокоюсь, едва отгаю
По этой теме немного –
Стук в дверь. Открываю – лезет башка:
«Вы верите в Бога?».
Ребята, чего так приперло вам
Идти в проповедники?
У нас уже был с Богом скандал
Один намедни.
Как славно, ребята, вам, веруя, жить
В своем божественном гетто.
А где-то полиция кружит,
И воет сирена где-то.
И где-то мадонна с разбитым лицом,
И сын на ней всю злость вымещает.
Она не верующая. Так. Ни о чем.
Прощает его. Прощает.
Старец молится до седин –
И всякий его уважает.
А вера – когда хотя бы один
В оркестре скрипач не слажает!
Но где он – предел? Никто б не хотел.

Жребий иудин.

Бог отразился, как в мутной воде,
В людях.

Я ЭМИГРАНТ...

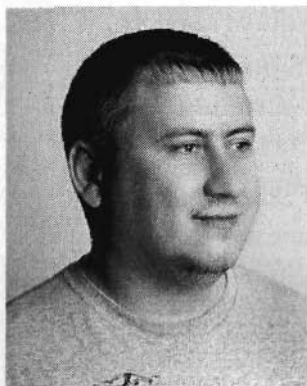
Я эмигрант, покинувший пределы
Своих традиций, принципов, устоев.
Мой милый, у твоей двери редеет
Толпы червивой яблоко пустое.
В дорожной сумке – лилии и морги.
Моргни, коль ты меня узнала, статуя
Свободы. Только пальцы – горькие.
Их целовать уже не надо.
Ну здравствуй, милый! Что же плачешь ты?
Ведь я тебе давно простила
Всех темных странников с поклажею –
С моею рифмой изнасилованной.
Заваривай чайку покрепче мне,
Гостеприимничай обычненько.
Готовь, готовь кадык свой гречневый
К моей березовой отмычке!

УЛИЦА ЛУННАЯ

Улица Лунная. Что ты мне скажешь?
Ну посмотри, в кого я выросла.
Улица Лунная – ну и пейзажик! –
Как после ядерного выброса.
Снова кому-то жить отказано.
Он то кричит, то шепчет молитву.
Впору сюда б ментовской УАЗик,
А он со всей прыти – да мимо, мимо.

Что ты мне брешешь, что есть законность,
Правопорядок и прочее, прочее.
А в том вон бараке беззаконном –
Похороны безо всяких почестей.
Улица Лунная – падчериц, падали.
Это тебе не Горсад в Мытищах!
И если здесь человек падает,
То его даже не ищут.
Здесь не выйдет из девки матери,
Здесь все дома матом напичканы.
Улица Лунная... Издевательство –
Это название твоё лиричное...

Полетели по миру перья,
Даже детских ладоней не взяв,
Мимо губ моего безверия,
Мимо губ моего «нельзя».
Эти знаки давно я освоила:
Взгляд твой быстрый, как взмах ножа.
И карманам, как маленьким стойлам,
Рук твоих не удержать.
Задымит сосед на балконе,
Заругает его жена.
Я тебя полюблю за то нах,
Да, за то нах, что я – не она.
И что третий – все-таки лишний.
И что мы – в окружении крыш.
И за то, что когда злишься,
Ты непраильна говоришь.

Дмитрий Филиппенко

Зайди за мною жить, возьмём с собой конфеты.
И лучшую подругу для друга позови.
Нам будут раздавать свои стихи поэты,
Без слов любви в любви не может быть любви.

Зайди за мной лететь к Юпитеру, к Венере
И раздобыть ключи от солнечных небес,
И распахнуть для всех людей Вселенной двери –
И спрятаться навек, уйти в байкальский лес...

Дмитрий Александрович Филиппенко родился 7 декабря 1983 года в Ленинском-Кузнецком Кемеровской области. Публиковался в журналах: «Огни Кузбасса», «Плавучий мост», «Ковчег» (Тула), «Берега» (Калининград), «Байкал» (Улан-Удэ), «Отчий край» (Волгоград), Традиции&Авангард (Екатеринбург), «Начало века» (Томск), «Русское эхо» (Самара), «Культура алтайского края» (Барнаул), «Гостинный двор» (Оренбург); в альманахе «Между» (Новосибирск), «Часовые памяти» (Москва); Отечества священная палитра (Лысьва); в Литературной газете; газетах: «ЛИК», «Истоки», «Поэтоград», «Площадь Пушкина»; в коллективном сборнике «Эхо восьми голосов». Главный редактор литературных альманахов «Образ» и «Кольчугинская осень». Автор четырёх книг стихотворений: «На ладонях берёзовых рук», «Небо на подоконнике», «На побережье пульса», «Зайди за мною жить». Лауреат межрегиональной премии им. В. А. Макарова (Омск). Награждён медалью «За веру и добро Кузбасса». Член Союза писателей России.

Моя любовь как прошлогодний дождь.
В Самаре просыпаюсь. Шёпот нитей.
Смотрю в окно, и вспоминаю ложь.
И девушку за это не простить мне.

Я растворялся, был тихоней с ней.
Обратный поезд, и по рюмке с другом...
Останутся дела самарских дней
И сердце, воспалённое недугом.

Я живу на улице шахтёров,
Той, что пахнет хлебом и углём...
Я люблю шахтёрские просторы,
Я люблю свой дворик и свой дом.

И рассвет ленинск-кузнецкой лапой
Гладит землю моего двора...
Я люблю шахтёра – он мой папа!
И Кузбассу – дружное УРА!

МОЛЧИМ

Мы молчим. Семь тысяч расстояний
Прерывают наши голоса.
А в душе дожди воспоминаний,
Осенью наполнены глаза.

Между нами горы, люди, слухи...
Тихо гаснут наши голоса.

На границе счастья и разлуки
Часовыми стали пояса.

ОБЛЕПИХА

На улице Тихой троих застрелили,
Попрятались кошки, собаки не выли,
Все мирные жители спали в квартирах,
Когда убивали семью ювелира.

Сбежали убийцы, никто не услышал,
А в доме покойников плакали мыши.
В соседнем дворе расцвела облепиха.
На улице Тихой по-прежнему тихо.

МАТЧ

ЧЕРНОГОРИЯ-РОССИЯ

За каждый файер нужно отвечать,
Когда в Европе холодно и плохо.
Погасла черногорская свеча
На стадионе, где скрепит эпоха.

Назад нельзя, пробито колесо.
И разве жизнь дешевле всех трофеев?
Ещё чуть-чуть, и не дай Бог в висок!
Тогда б за всех ответил Акинфеев.

Такой футбол – ненужная игра.
И исправлять его никто не хочет.
Останется нам чёрная гора
Из околوفутбольных многоточий.

НЕ БРОСАЙ

Не бросай в пустоту, в тишину –
Я не выживу в этом молчании.
Слезы, нервы – и звоны печали, и
Я один долго не протяну.

По следам ты моим не пойдёшь –
Не заметишь нелепой пропажи.
Ты меня от огня не спасёшь.
Ты не ходишь по пеплу и саже.

Моя любовь замёрзла у реки,
И чувства зябкие – фарфоровые узы.
А через душу проплывают сквозняки
И жалят сердце мне, как будто бы медузы.

Мосты зевают, и не спит Нева.
Хрустальный ветер прозвенел и в небе скрылся.
Я перед ней в трёх бедах виноват:
Недолюбил, не позабыл, не спохватился.

Под одеяло хочется твоё...
Холодный ветер с запахом Байкала.
И дождь иркутский больше не поёт.
«Иди ко мне» – тихонько ты сказала.

Неровный свет укутал тишину.
Ловлю твоё дыхание губами...

Под одеялом я твоим уснул –
И шёпот наших тел плывёт меж нами.

Куда же вы уходите друзья?
Я верю, что уходите вы в детство.
И пишете там письма для меня,
И шлёте мне их в преданное сердце.

Не знаю, будет встреча или нет,
Но нашей дружбы свет неразделимый.
Я нарисую каждого портрет,
И подпишу я: «Коля», «Миша», «Дима».

Бессмертен воздух и жива вода,
Пока есть память и стихи сияют.
Меняют нас и горе, и беда.
Друзей и после смерти не меняют.

Остался цирк, он в городе полгода,
Артисты голодают в тишине,
И принимают пищу от народа,
Чтоб прокормить животных. На стене
Висят афиши из вчерашней жизни,
И клоунам давно не до детёй.
Метут проспекты вопреки харизме,
Чтоб накормить талантливых зверей.
... Уже зима. Но цирк на том же месте.
По снегу ходит поседевший лев.
Под гривую висит блестящий крестик
Как символ Божьей веры на земле.

СТАРИК

Плыла ленивой рыбою река
Вдоль берегов черемухового ситца.
В деревне хоронили старика
В гробу закрытом, чтоб не заразиться.
Семья не посмотрела на него
В последний раз, и не смогла проститься.
Они тогда не знали одного,
Что тело перепутала больница.
Лежит в палате дед. Ещё живой!
И не найти виновных в круговерти.
И по ошибке сделали вдовой,
Вручив жене свидетельство о смерти.

РИФМЫ

Денису Домарёву

Я в Ленинске-Кузнецком, ты в Самаре,
Но помнят Химки и Бугуруслан,
Как мы с тобою рифмовали в баре,
Потом переезжали в ресторан.

А помнишь в Красноярске рифмовали?
К полуночи нам не хватало слов.
Из Екатеринбургa парня звали,
И приносил нам рифмы Комаров.

Идут года, и нам уже под сорок.
У рифмы горькой больше не в плену.
Верлибры мы пытаемся освоить,
Но Комаров им объявил войну.

Светлана Уланова

Скоро опустеет огород,
Закрома наполнятся до края,
Поговорку «День накормит год»
Мы с годами глубже понимаем.

– На картошку!» – клич летит в народ, –
Слава Богу, снова с урожаем!...»
Как-никак петровский корнеплод
Русским человеком уважаем.

Светлана Владимировна Уланова родилась на Камчатке, но давно проживает в г. Полысаево Кемеровской области. Окончила Кузбасский горно-технический и Томский архитектурно-строительный университеты. Одна из организаторов всероссийского фестиваля поэзии им. А. Бельмасова (2013–2019 г.) и с 2011 г. руководитель городской литературной группы «Прометей». Публиковалась в журналах: «Огни Кузбасса» (г. Кемерово), «Начало века» (г. Томск), «День и ночь» (г. Красноярск), «БЕГ» и «Русский писатель» (г. Санкт-Петербург), «Московский вестник», «Наше поколение» (г. Кишинёв, Молдова), в московском еженедельнике «Слово», «Литературной газете» и др. Автор книг стихотворений: «На тонких струнах любви», «Кольчугино колечко», серии книг для детей издательства «Феникс» «Веселые трафареты» («В лесу», «На ферме», «Транспорт», «Овощи-фрукты»). Член Союза писателей России с 2015 г.

– Наросли бакулки, погляди!
И от счастья распирает душу.
Не страшны морозы впереди –
Будет нам, что выпить и закусать.

Небо,
просветлённое за окном
в утренней дрёме.
солнце,
словно прячется за углом
серого дома.

Робко
мне протягивает лучи
в тёплых ладонях.
Странно
сердце в груди стучит –
так упоённо!

Скоро
я имя твоё прошепчу
вешнему саду,
может,
тогда, наконец, излечусь
от листопада?

На пороге жизни длинной
Стать мечтала балериной.

Оказалось, по дороге
Школ для балерин не много...

Здесь, в Кузбассе свой балет:
Здравствуй, горный факультет!

На-горах поёт пичуга:
«На плечах твоих – Кольчуга!

Как тебе в балетной пачке
Мерить угольные пачки?

У подземной Девы-Примы
Экономия на гриме!»

Я мечтала о пуантах –
Здесь другие варианты:

Две балетные ноги
Заковали в сапоги.

СОЧИНЯЮ

Бытие в семейной форме –
Не поэтики шаги.
Всех стихами не накормишь –
Лучше стряпать пироги.

Знамо дело – больше толку
И в начинке, и вообще.
Чем в стогу искать иголку –
На неженском рубеже.

Ястряпню свою затею
(Проще с бабьей-то руки) ...
Сочиняю, что умею –
Сочиняю пироги.

ЖИЛИЩЕ ПОЭТА

Пусть жизнь протекает обычно прозой,
В рассказах о прошлом и о настоящем...
Жилище поэта – особенный остров,
Когда вдохновение животворяще.

Зачеркнуты строки безжалостно будут,
И строчка, одна, та, которую нужно –
Нечаянно вспыхнет под статью изумруду,
И рифма окажется очень послушной.

Сидишь за столом, но над миром парящий,
Горишь маяком в полутьме, прямо в
космос...

Когда вдохновение животворяще,
Жилище поэта – особенный остров!

СИБИРСКОЙ ЗИМЕ

У нашей зимы очень крепкая жизнь,
Ударит морозом – ты только держись!

Крещенский – он самый из самых повес –
Пытается прямо под шубу залезть.

Добраться он хочет до мозга костей,
Но лишь для нерусских он страшный
злодей,

В Сибири сподручней с морозом дружить,
Жар русского духа в нас не затушить.

Крестом осеняясь, в купель захожу —
Любая погода подвластна «моржу».

БЕСКОНЕЧНО ДОРОГО

Сменю бесконечную зиму на бесконечность лета,
Где есть бесконечное море и бесконечность света,

Где новых лиц бесконечность, и свежий весенний ветер,
И вместо зимней суровости день золотист и весел.

Смогу я там затеряться в лицах мне не знакомых,
Где даже холодный камень живёт по другим законам...

Смогу ли? ... а может лучше, остаться, пока не поздно,
И вспомнить, как в тихой речке ночью купаются звёзды,

Дремать под берёзой летом под шёпот знакомых листьев,
Под шелест листвы осенней забыться в собственных мыслях...

Уйти в знакомые дали, где детство, как быль и небыль,
Где есть бесконечное небо и бесконечность снега...

Где бегали наши дети и воспоминаний ворох,
Где почерк родного края мне так бесконечно дорог.

ЗИМОЙ

Солнце глаз чуть-чуть приоткроет —
Утро комкает тишину.
Гул стремится пчелиным роем,
Сна остатки, с дорог смахнув.

Собирая в дорогу мысли,
Сяду в утреннее авто.
Снег ложится накидкой чистой
На асфальтовое пальто.

подавляю в себе дремоту...
Здесь, в Сибири закон такой:
По темну спешу на работу,
По темну прихожу домой.

От чашки, любимой остались одни черепки,
Не склеить уже и в мозаику тоже не вставить,
Узор, потускневший от времени и от руки,
Когда-то был ярок, но время безжалостно к старым.
Прозрачность фарфора проверю, направив на свет,
Увижу не дно – только трещины времени, века...
На свете, увы, ничего постоянного нет,
Жизнь чашки порою длиннее, чем жизнь человека...
Разбитая чашка. Окно. Солнце издалека
Не слепит глаза, но играет лучом на запястье...
Когда-нибудь также состарюсь в любимых руках –
А в этом, быть может, и есть настоящее счастье...

Сергей Логинов

...СОН ВПАДАЕТ...

Дома, как многопалубники, вытянуты пароходы,
Июль сегодня на рейде, и флаги на мачтах крыш.
А воду обездвижили, чтоб не перерасходовать,
Руками взмахнул будильник, и в городе кран перекрыт.

По кафелю ванной комнаты рябят простынёй океаны,
И в кухне блестит широтами округленный край ведра.
Седьмое июля в городе, зовите к реке Иоанна,
Покуда водоканальщики и в ней не закрыли кран.

И что возмущаться, хмуриться, что так неспортивно начали,
Пусть трубы ссыхаются с зависти, а люди своё запасли.

Логинов Сергей Валериевич. Родился 3 января 1988 в Ленинске-Кузнецком. Пробовал писать ещё в школе со второго класса, всерьёз занялся только на втором курсе в Университете. Окончил школу № 1 в Ленинске-Кузнецком, затем юридический факультет Томского Государственного Университета. Сменил несколько прямо противоположных профессий. Сейчас работает преподавателем. С 2006 года член литературной группы ЛИК. Публиковался в журнале «Огни Кузбасса», альманахе «Кольчугинская осень». Автор трёх книг стихотворений.

По вёдрам, бутылкам, капелькам цветут золотые зайчики,
Их солнце сегодня направило среди детворы пастись.

Сандалии шлёпают, меряют асфальтовые излучины,
А утро всё жарче клеится на каждый панельный борт.
И в пять с лишним лет уверишься, что всё-всё-всё-всё получится,
Раз в ванной есть рябь океанов, а в капельках солнце живёт.

...ПТИЦАМ ТОЖЕ СНИТСЯ...

Словно семечки сыпались градом,
Дни сменялись с невиданным ритмом,
По балконам вязали наяды
Разных судеб распущенный свитер.

Люди были добрей, чем обычно,
Корки хлебные с неба на город
Плыли тучами простоязычно,
А виновником был этот голубь.

Он летать разучился в утробе
Первых снов, что ниспосланы птицам,
Крылья сбросил он в первом сугробе
И без крыльев ходить научился.

Разве ноги даны не для хода
По дорогам, по небу, по долу?
И неважно какая погода,
Голубь будет летать по-иному.

Во дворах удивлялись собаки,
И коты разгогулили спины,

Птицы все по помойкам и в страхе,
Ну, а этот гуляет и пишет.

Тонким жестом, как курица кистью,
Над домами, в след свету и лету,
Пишет он хронологию жизни
Голубей, научившихся бегать.

Чем закончить историю эту
Не решат орнитологи свыше,
Ходит голубь пешком по планете,
Наплевав на границы и вышки.

Не пугают ни люди, ни пробки,
Ни крылатый, ни четвероногий.
Он пройдёт семь небес...

Пробежит сто дорог...

И...

И однажды притопает к Богу.

БЕССМЕРТИЮ БЫТЬ

О. Л.

Помнишь, закат смят и багров,
И месяца тонкий призрак,
И из ладони звёздную кровь
Небо легко слизывало.

Кажется, ждал, что снизойдёт,
Вот вам рука, Вышние!

Только опять, с последней зарёй,
Небо напилось и вышло.

Это давно было, тогда
Верил ещё и веровал,
И по ночам в звёздных стогах
Не иглы искал, а вербы.

Что-то сломалось, исчезло, зато,
Как самую важную тайну,
Теперь я тебе осторожно ладонь
С кровью небес протягиваю.

Может бессмертию быть на Земле.
Жить и расти меж нами.
А небо останется дальше темнеть
Всеми своими стогами.

Может быть месяц на то между звёзд
Круглится раз от раза,
Чтобы с небес отраженье твоё
В чаше луны показывать.

Дальше загадывать наперёд
Незачем мне, и нечего.
Пусть к небесам потихоньку растёт
Наша с тобой вербочка.

...ЕСЛИ СНИТСЯ СНЕГ...

Когда зиме заметно надоест,
Бросать снежки в окно календаря,

Достанет ночь безлунная обрез
И поведёт огонь по фонарям.

Наутро будет первой кровью снег
Сочиться с крыш по водостокам вен,
А люди будут выше и темней
Самих себя из прошлых перемен.

Никто не станет помнить о плохом,
Зима займёт в затылке уголок,
И каждый день пойдёт под каблуком
Холодных снов, покрывших потолок,

А на уме уместная весна,
И вера в память, выбравшую путь,
Когда зима из снов извлечена,
Когда в затылке холода пройдут.

В ЗОЛОТЫЕ ВРЕМЕНА

Здорово манит? Да неужели?
Ну-ка, ручку позолоти...
Что же случилось на этой неделе
С красным жаром в твоей груди?

Ты уходи, но не думай лиха,
Золото манит и золото ждёт.
Пусть успокоится жар, и стихнет
Жажда под золотым дождём.

Кто-то не знает, а кто-то верит
Чёрным провалам небесных карт.

Жажду галлонами не измерить
Ни серебра, ни жемчуга.

Только одно и одна навеки
Золото и золотая мечта,
Чтобы сегодня попутный ветер
И исправный секстант.

Где твой корабль? Какая разница!
Есть океан, есть ты!
Вспомни, как честные звёзды
дразнятся
Блеском монет золотых.

Старое право, как мир и мера:
Грамм за один вдох.
Цепь золотая и цепь на галере.
Всё остальное – вздор.

Дальше лишь небо пунктирной
линией,
Старой луны компас.
Жар успокоится, жажда схлынет и
Золото не предаст.

Ирина Сидельникова

Предутренние сны тревогою полны,
предчувствием беды неумолимой.
Предутренние сны сюжетами бедны,
но в памяти их след – неизгладимый.

Готова недоспать, и очень рано встать,
лишь только бы не мучиться напрасно
от тайной вязи снов и смысловых узлов,
которые распутать я не властна.

Ирина Сидельникова родилась 5 октября 1960 года в городе Омске в студенческой семье. В 1962 году родители Ирины были направлены на работу в село Подгорное Ленинско-Кузнецкого района. Ирина училась в Подгорновской средней школе. В 1981 году окончила художественно-графическое отделение Беловского педагогического училища. В 1986 году окончила филологический факультет Кемеровского Государственного университета. Вся трудовая деятельность прошла в родном селе Подгорном. Ирина – сельский библиотекарь в третьем поколении. С 2016 года на заслуженном отдыхе. Увлечение – бардовская песня. 20 лет Ирина руководила ансамблем авторской песни «Каприз». Сейчас – участник ансамбля. «Каприз» – дипломант областных, Всероссийского и Международного фестивалей авторской песни. В 2008 году в Кемерове был издан первый сборник стихов Ирины Сидельниковой «По бездорожью», удостоенный Диплома II степени Областного конкурса «Образ». В 2019 году – второй сборник стихов «В объятьях сумерек».

Всем телом трепещу, и в соннике ищу
на страшные видения ответы.
Но путаюсь сильней, в клубок коварных змей
сплетаются народные приметы.

Ну что ж, не буду спать, зарю буду встречать,
и радоваться с первыми лучами,
что рассосалась тьма, не повредив ума.
Спать буду днём, стихи писать ночами!

КОРКА ХЛЕБА БАБУШКИ МОЕЙ

Смотрит псина, мокрая, худая.
Пирожок свой отдала я ей.
И опять невольно вспоминаю
Корку хлеба бабушки моей...

*Первый раз ударила собаку!
Нет, не с перепугу, не со зла.
От досады захотелось плакать –
Корку хлеба псина унесла!*

*Встретились голодных два оскала,
Взгляды обозлённые скрестив,-
Отступила псина, убежала,
В пыль сухую корку уронив.*

*Так бежать ещё не приходилось!
Только бы не съесть и добежать!
У девчонки сердце заходило,-
Дома ждёт измученная мать,*

*И лежит сестрёнка, угасая.
На простынке, как цветок в снегу –
Маленькая, добрая, смешная...
«Я бегу к вам, милые, бегу!»*

*Добежала, донесла, не съела!
Шаткие ступени, дверь, кровать...
«Прощаться с Любой не успела», -
Прошептала еле слышно мать...*

*Свет поплыл, кривясь и угасая,
И собака взвыла вдалеке.
Корка хлеба, грязная, сухая
Хрустнула предательски в руке...*

*Смотрит псина, мокрая, худая.
Пирожок свой отдала я ей.
И опять я плачу, вспоминая
Корку хлеба бабушки моей.*

*Капли били меня по щекам,
били больно и колко.
Дождь хлестал по открытым рукам,
влипла в тело футболка.*

*Дождь наказывал будто меня,
сжалась я от пощёчин.
Моего уходящего дня
было жаль, жизни жаль было очень.*

Не вышла рожей для принцесс, –
Вот – мажу сажей нос!
Ну, где тут рост? И где прогресс?!
Какой уж год – Барбос!

Сыграла с блёском роль свою,
И гордости не скрою!
Я перед зеркалом стою,
Нос мою, тихо вою...

Признаюсь, выйти не могу
Из роли до сих пор я.
Могу обляять на бегу,
Со мной уже не спорят.

Собаки брешут, говорят.
Но я совсем не лгунья.
Я гавкаю на всех подряд,
И вою в полнолуние.

Котов гоняю я, как зверь.
И затеваю драки.
И мне сочувствуют теперь
И люди, и собаки.

О, Станиславский, мой король!
Актрису пощадите!
Я поняла, войти как в роль...
Мне выйти помогите!

Не учили молиться нас,
Не умею общаться с Богом.
Но выплёскивала не раз
В неуклюжих словах тревогу.

И хулит нас не зря молва,
Мы безбожного времени дети.
Но вот в песне звучат слова:
«Дай мне, Боже, любви на свете!»

Бог простит, я была не права,
«Отче наш» припомню едва ли.
Задержались в душе слова
Доброй песни, молитвой стали.

И опустится ночь едва,
Знаю, небо мне не ответит,
Снова к звёздам летят слова:
«Дай мне, Боже, любви на свете!»

Одиночество в толпе –
Состояние привычное.
Будто в дебрях по тропе
На поляну земляничную.

Будто в поле, среди трав;
Только ветер гладит волосы...
Кто тут прав, а кто не прав?
В хоре нет живого голоса.

Одиночество в толпе –
Состояние уютное.
Кто умнее, кто глупей –
Заблуждение минутное.

Выплываю наугад
Против бурного течения.
Ни один не дрогнет взгляд,
Ни тепла, ни огорчения.

Как студёная вода –
Мимо взгляды равнодушные...
Одиночество – беда,
И от мысли этой душно мне.

Собаку встретила в пути,
не позволяет подойти.
Глядит тоскливо, одиноко,
но чуть шагнёшь – отскочит боком.

Вот так и я, порой страдая,
людей к себе не подпускаю.

Сон предутренный отягощён
Отголоском забытых видений.
Наяву ты ещё не прощён,
В сновиденьях любим без

сомнений.

Игорь Старченко

Дождь. Целуются два капюшона.

ВАРШАВА

Солнце – из пепла, как этот город однажды.
Вы – до каждого мгновения жадный жаворонок,
Чеканите с шёлковым шармом шаг свой важный
По улицам и перекрёсткам оттаявшей Варшавы

И волна к ногам нежно, податливо прильнув,
Вас, как русалку по рыночной площади несёт.
И не ясно, город в Вашем или Вы в его плену?
Им ли Вы ведомы
или Ваше

Всё! Всё! Всё!

Вот это вот всё!!!

Старченко Игорь. Родился 4 февраля 1989 года в г. Ленинск-Кузнецкий. Закончил школу № 17 г. Ленинска-Кузнецкого. Публиковался в литературной газете «ЛИК», в литературных альманахах «Кольчугинская осень» и «Образ». Живёт в г. Ленинск-Кузнецкий.

И не просто, а души человечесьей архитектор
 За строкой строку ведёте, стих верша Вы.
 И пусть в тишине промолчав, завидуют те, кто
 Дышал не Вами, никогда не дышал Варшавой.

ПОСЛАНИЕ БИАТРИСЕ

Твоей печали снега вероломно идут, и
 Собственная психика – поле грядущей брани.
 И медленно сыпятся последние редуты,
 Крепись! Они не такие души брали!
 Ведь ты не из тех, кто «воля потоньше фанеры»,
 Но всё таки я предположить хоть раз посмею:
 Сердце твоё, словно пальто в шифоньере –
 – Кто пробовал одеть – никому не по размеру.
 Ты смеёшься, прокляв судьбу свою и поругав,
 За век до откровенности, за шаг до крайности,
 Но вот моя рука тихо-тихо скользит в рукав...
 Я сочувствую тем, кто не смог этот рай носить!

КРОХОТНЫЙ ДЕНЬ И НОЧЬ ПРОСВЕТНАЯ

А. К.

Крохотный день
 и ночь просветная –
 Всё, что украл
 у пропасти «небыль»

Сердце
 бесилось,

думал
ослепну я,
Рухну,
когда спиной
по стене плыл.
И темнело грядущее,
«небылью» обречённое,
И тончал, иссякал
грохот идей.
Память моя,
словно дыра чёрная
В точку,
в один
сжималась
крохотный день.

И не сотрётся,
не выпьется ,
не отляжет
Ночь просветная,
комната,
одеяло, фильм –

Из всех моих краж –
ценнейшая
кража –

Минуты, где
губы губами,
руками руки
я ловил.

ПРИЗРАК

Ты, какой теперь не коснись темы,
Словно призрак по всем законам мистики
Сквозь фантазии бурной хрупкие стены
На цыпочках тихо крадёшься в мои стихи.
Осталось последнее в себе сломав, терпеть.
Над листом, словно сердцем скользить на штык.
И как не перекладывай слова теперь,
Надменно в каждой строке моей дышишь ты.
Хоть вынуждай писать про дождь себя силком,
Хоть стели поля ромашковые за край листа, но
Ты и здесь неминуемо пройдёшься босиком,
В каждую строку шаги твои закрались тайно.

Как средь ясного неба гроза
Гимн смерти взорвал пустоту.
Закройте мои глаза,
Я так люблю темноту!

Стоя стонет воплями дикими
И плачет по мне целый свет,
Одарите меня гвоздиками,
Я так люблю красный цвет!

Отблески слёз первой пробы,
И все слова: «он был... такой...»
Закройте крышку гроба,
Я так люблю покой!

А. М. Б

И может тогда мы всё таки вспомним,
Как на бумагу ложился космос,
Когда будет нечем бездну восполнить...
И за бездарность не спросит никто с нас...

И может тогда мы всё же поймём, но
станет ли нам в тот миг честно-боязно,
Что те, кого звёзды зовут поимённо
Раньше всех уезжают в космическом поезде

И может тогда приоткроются тайны
Его душой подсвеченных созвездий,
Когда к земле уже не вертикально
Когда со звёздами на равных, вместе!!!

Игорю Талькову

Сердце моё немеет и слепнет,
Становится безмерно тоскливо,
Когда нахлынут водой целебной
Его музыки печальные приливы.

И оставляя, нет, не борозду, а целый ров
На полях души моей, промёрзшей намертво,
Сквозь время, сквозь грань двух миров
Его голос доносится из динамиков!

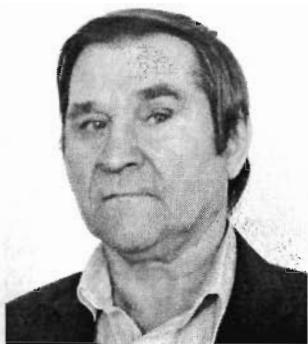
*моей Бабушке
Старченко Лидии Павловне
и моему Дедушке
Старченко Геннадию Александровичу.*

Они где-то там далёко на облаке.
Вечно молодые и вечно вместе.
На фотографии их добрые облики
Навсегда застыли – жених и невеста.

И хоть об стену лбом – убей себя,
Хоть ставь под люстру табуретку,
В этой жизни – чёрном месиве
Они во снах ко мне приходят редко.

Рыдают звёзды, планеты маются,
Галактики бредят о прошлом тленном
И холодные чёрные дыры сжимаются
По всей моей загрустившей вселенной!

Память предательски всё в одно сольёт,
Вспомнив, не позабыть, как дышать бы.
Что, товарищ, сломался? Тронулся лёд?
Вот и лови очередную шайбу!
Тебя обведут снова, глупый,
Хоть крестом расстелись на льду.
Жизнь осядет, словно в углу пыль,
Слова и сердце белый лист найдут.

Айса Абушаев

КОНЕЦ НЕДЕЛИ

Всё время беспардонное
 Растянет ночь бессонная
 И чушь заполнит голову,
 Как стыд накроет голого.

Рассвет упрячет прошлое,
 А с днём растает пошлое
 И тяжесть дум облежится-
 Разлукой думы лечатся.

Абушаев Айса Ибрагимович родился 14 января 1947 г. Четыре года служил на Тихом океане на корабле редактором корабельной газеты. Образование высшее. Индустриально-педагогический техникум. КузПИ. Прошел путь от горнорабочего до начальника участка. Проработал на шахте почти 40 лет. Ныне на пенсии. Женат. Есть дочь и два внука. Публиковался с 15 лет в газете «Горняк», в коллективном литературном сборнике «Вечного неба печаль», журнале «Русский писатель», альманахах: «Чувства без границ», «Вереницы», «Кольчугинская Осень», «Образ», в городских периодических изданиях: «Литературная газета», «Польсаево», «Городская газета» и др. Лауреат городских литературных конкурсов. Член литературной группы «Прометей». Член Союза Кузбасских писателей. Автор книг стихов и прозы «Всякая всячина» и «Всякая всячина и...»

Любовь не проверяется,
А только доверяется,
Судьбою время правится
И с трудностями справится.

Загружен день заботами
И выходные – вот они.
Сомнения растаяли
И улетели стаями.

В ДЕРЕВНЕ

По забору ходит кот,
Пёс Барбоска мается,
От полуденной жары
Даже и не лается

Убежав от бабы Дуси,
Потихонечку, тайком
Наши гуси вдоль дорожки
Пробираются гуськом.

Кукарекнул петушок-
Господин куриный,
А в саду соседский Витька
Сладко ел малину.

У забора трётся Гришка
(Козлик бородатый),
За забором урожай
Кочанов богатый.

Развалился в грязной луже
Поросёнок Гошка...
Я у бабушки в деревне
И гляжу в окошко.

ЗИМНЯЯ ЗАРИСОВКА

Вышел наш Василёк на прогулку,
Изменения везде в переулке.

Где осенней листвы разноцветье?
Да и солнце сейчас мало светит.

Всё покрыла зима белым цветом
И мороз помогал ей при этом.

Стало чисто кругом и опрятно.
Где сосна, а где ель непонятно.

В снежных шубах не мёрзнут деревья.
Курит трубами, дремлет деревня.

ЧЕРЁМУХА И ВЕТЕР

Белым дурманом черёмуха
Голову ветру вскружила
Первой весенней любовью,
Что заструилась по жилам.

Ветер в любовных порывах
Ветреным был и жадным,
Белый наряд черёмухи
Рвал, сделав день прохладным.

И нет ни фаты, ни наряда -
Лишь листья одни остались.
Ветер ушёл в пространство,
Только деревья шатались.

Время ушло и пропало,
Как всё былоё на свете.
Ты была в белом наряде,
Я был – тот самый ветер.

В ЛАВЕ

Вгрызаясь в угольный массив
Комбайном перекрыт наряд,
Шагают секции крепи
Поочерёдно, ровно, в ряд.

Сверх плана срезанные стружки
Углём уходят на-гора,
Доставку быстро обеспечат,
Слегка устав, конвейера.

Атланты-стойки все в работе,
В нагрузке секции крепи,
И держат кровлю сверхнадёжно
Так, что эмульсия кипит.

Горняк сработал. Он доволен.
Закончен цикл, хвала ему!
И улыбаясь белозубо
Уходит вверх, покинув тьму.

Ирина Надирова

ПРОРАСТАЮТ СТИХИ

Прорастают – травой и деревьями – из тебя,
 Мир на наночастицы и кванты собой дробя,
 И бросаются под ноги: мол, накорми, согрей!
 Распушат свои крылья...

А нынче один пырей

И осот из меня прорастает: мол, руки режь!

Пробивая асфальт души, отыскал он брешь.

Богу душу готов отдать одуванчик мой:

Он летит,

он летит,

он летит,

он летит

.. ДОМОЙ.

Надирова Ирина родилась 22 ноября 1984 года в городе Ленинске-Кузнецком Кемеровской области. Закончила школу № 19. Мама троих детей. Публиковалась в журналах «Огни Кузбасса», «Байкал», «После 12», «Фантастическая среда», «Между»; в альманахах «Кольчугинская осень», «Образ», «45 параллель». Победитель конкурса им. Н. И. Попова (2014) «Золотое перо», фестиваля поэзии им. Алексея Бельмасова (2015). Автор книги «Снегоотточие». Награждена медалью «За веру и добро». Участница литературного цеха «Образ». Живет в г. Ленинск-Кузнецкий.

Прорастают стихи, забивая мою гортань,
Словно в лёгких моих прорастает на свет герань.
Продираясь на волю, встаёт во весь рбст с колен
Продолженье меня самой – продолженье стен.

ВРЕМЯ БАБОЧЕК

Окуклился июль,
И небо стало синим.
И дым костра взятяг –
Легко,
 легко,
 легко...

О, время нимфалид,
Забыть бы твоё имя!
Но, сделав первый шаг,
Порезалась стеклом.

Крапива-память жжёт.
Прозрачны крылья лета.
Смотри на жилки вен – они утолщены...

Я буду для тебя сегодня откровенна.
Забыть меня легко:
Мы выщелочены.

Звякнула цепь.
Вылезла шельма-собака.
Мордой в колени –
Мол, ты моя хозяйка...
Я отвернулась

И мимо шагаю, к дому.
Господи, с этим вирусом впали в кому –
Истощена собака, и тело тает...
Видно, и ей любви моей не хватает!

ОБО ВСЁМ И НИ О ЧЁМ

Молись и жди, когда тебя спасут.
Молись и жри гнилую колбасу:
В век соевый ты скоро станешь соей.
Просоленный кусок ты сала, сори.

Гни спину, зарабатывай гроши,
Молись, постись, ликуй, цветы, грехи
И до отрыжки, до отвала ешь –
Такой вот нынче хайп, такой вот треш.

Из обещаний строишь лабиринт.
Крути свой спиннер и читай свой гимн.
А лучше стоя пой и повторяй:
– Держава...наша...
А потом ныряй
В глухую глупь разграбленной страны,
Где в каждом доме капают краны.

Нас палят, вырубают – ты не рад?
Молись, и жри, и тыкай в свой айпад:
Пусть всё уходит, пусть оно горит –
Гни спину, ты уже не индивид.

Иди и голосуй, и правды жди,
Когда твой лес спасут твои вожди,

Когда тебя спасёт твоя страна...
Китай тебя сожрёт, тебе хана!

Молись и жди, когда тебя спасут,
И через маску нюхай колбасу...

ПИШИ МНЕ ПРОСТО ТАК

Ещё ты не любил, еще не плодоносил,
А учишь по шагам, как подобает жить.
А я тебе скажу: скупая твоя осень.
Смотри – ноябрь мёртв, и я мертва, кажись...

Да, расцветали дни, но мы с тобой старели.
Таков закон полей, таков закон души.
Мы временем с тобой однажды заболели.
Пиши мне просто так, пожалуйста, пиши...

Ещё ты не любил и не горел как пламя –
В огонь бросай слова! Забудь, как надо жить.
Иди, дитя любви, и трогай мир руками...
Когда речь о любви, не следует спешить.

Ещё ты не любил, ещё не плодоносил...

Без меня тебе будет легче.
Без тебя моё сердце дышит.
Помнишь ветер? Апрель и вечер
Память на близорукость спешет.

Голос твой как волна прибоя

Поднимает меня и гасит.
Мне казалось – была с тобою,
Оказалось – сама сдалась я.

ДОМ

Дом, в который не надо стучаться, – мой дом.
Дом, в котором не надо прощаться, – мой дом.
Дом, где можно и водки, и чаю, и просто побыть.
Можно расплакаться от отчаяния. Можно любить.
Окна на кухне без занавесок. Вечный галдѣж...
Хочешь такую меня в довесок?
Что, не берёшь?

...Ибо материя здесь совпадает с манерой:
Жесты случайны, но пена поэзии, гул...
Старое дерево в трещинах, голые нервы –
И махаоны речей вдруг срываются губ.

Нежность и нега, пустыня и суетный город.
Пренебреженье примет, но каков же язык?
Вот и поэзия чувствует истинный голод.
Ты понимаешь, как время сквозь душу сквозит.

Берёзы в платьях –
Нежный, лёгкий ситец...
Учусь за всё тебя благодарить.
Но небо плачет, небо-очевидец,
И об ушедшем времени кровит.

Работают законы гравитации,
Пока мой горизонт не запылён.
Две стрелки обнимаются в двенадцать
В начале и конце времён.

О КУЗБАССЕ

Серые отвалы – чёрный уголь.
Лезь на котлован, смотри: луна!
И она сейчас идёт на убыль –
И Кузбасс идёт на убыль, на...

Кладбище растёт. Растут коттеджи.
Место ссылки – это где-то здесь.
Но шахтёр работает прилежно:
Жить тут можно – вопреки, вразрез.

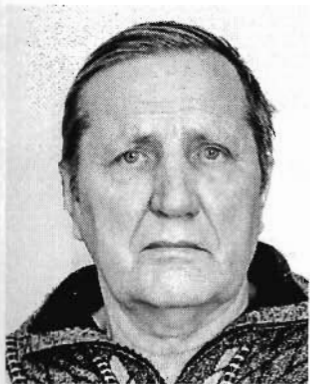
Мне и этой минуты хватило на целый век.
Я уткнулась в твоё плечо – и посыпал снег.
И черемуха расцвела, было небо за...
Близорукая, что я прячу свои глаза?

Я уткнулась в плечо, но не трону рукой плеча.
Всё что помню – кандык, черёмуха и причал.
Я тебя не за то люблю, что ты лучше всех –
Но для нас

в мае

падал пушистый

прозрачный снег.

*Алексей
Зайцев*

СИБИРСКАЯ ОСЕНЬ

А было ли спокойно в мире
Когда-нибудь и где-нибудь?
Шагала осень по Сибири
Проделав долгий, трудный путь.

Но время благостное длилось,
И на пути на день-другой
Седое небо порасшило
Мохнатым солнцем над тайгой.

И многогранной, разнорядной
Сибирь явилась в этих днях.

Алексей Васильевич Зайцев родился 04 марта 1950 г. в Тамбовской области, но давно живёт в Польшаево. Служил в армии, учился в КузПИ, работал электро-газосварщиком на заводе КПДС и на разрезе «Моховский». Женат, отец двоих детей. Писать стихи начал в 18 лет. Был участником литгруппы «Парус», занимался у Т. Страховой. После долгого перерыва, в 2019 году стал участником литруппы «Прометей». Публиковался в газетах: «Ленинский шахтёр», «Польшаево», а альманахе «Кольчугинская осень». Победитель городских конкурсов, посвященных Есенину и Высоцкому в 2020 г., «Короля поэтов-2019».

И накормила клюквой рядной
Нас на болотных выступах.

От красок пьяные, тайгою
Мы шли на звучный птичий свист.
И осень нежно за тропюю,
Целует в щёчку каждый лист.

О ЛИСТВЕ

Листва – она по-разному шуршит,
Усталости весной совсем не зная.
Секунды не живёт она в тиши,
Звенит ручьём – такая молодая!

Но летом глуше шум её идёт –
Ведь молодость ушла весенним строем.
И по-иному голос подаёт
И по-иному радуются кроны.

Наступит осень – пасмурные дни,
И листья от тоски позацветнеют.
С глухим рыданьем опадут они
И на земле навечно занемеют.

Замела, замела – завалила
Все родное, святое метель.
И жестокая, тайная сила
Породила коварный фортель.

Побелила белилами волос,

Принагнула к родимой земле.
И бороздки, по собственной воле,
Распахнула на бледном челе.

Отняла, отняла – заточила
В глубь столетья цветные мечты.
Лет прошедших букет измельчила,
Растоптав дорогие цветы.

И нет силы на силу крутую,
Что незримо над нами кружит
Видно, плату берёт дорогую,
Где нечестно пытаемся жить.

В кругу молодого отрога,
Под сенью цветного кольца.
Однажды пленила дорога,
Которой не видно конца.
Как пальцем меня поманила,
В безбрежную даль позвала.
И сердце тревожно заныло,
Но юность на волю рвалась.
В мечтах золотистые краски
Легли на холстину судьбы.
Роскошным видением сказки,
Где счастье и радость рабы.
Видение длилось недолго,
Под течью невзгод сгинул холст.
Так жизнь объяснила мне толком,
Что доля – непризрачный гость?

Её не задобришь словами,
Букетом чарующих роз.
Лишь скрипнешь безмолвно зѹбами
С наплывом непознанных слѹз.
И тихо с упора порога,
На прежний отправишься путь.
В тот круг молодого отрога,
Где ветлы с берѹзами ждут.

Взглядом небо обнимая,
Мысль приходит иногда.
Миллиарды звѹзд, какая,
Мне сопутствует звезда?
Но молчит за облаками-
Мир – таинственных чудес,
Смотрит тусклыми глазами –
Из-под купола небес.

ОСЕННЕЕ

Галдели птицы на рябине,
Клевали спелые плоды.
И на реке листва рябила
В осенних проблесках слюды.
Пылали вязы и осины –
Как зори, в сполохе огня.
Сквозь – ясноглазая Россия
Смотрела грустно на меня.
В груди всё сердце билось глуше,
Моля прощенья у земли.
Где с неба хмурого не слушал,

Что мне кричали журавли.

Синее небо,
Быстрая речка.
Жизненный стебель
Брошенный в вечность.

Долю накрыли
Спешные воды.
Тучи изрыли
Глубь небосвода.

Счастье уплыло
В старенькой лодке.
Плачет о милом
В голос молодка.

Пенные волны
Ткут поздний саван.
Сыщику доли
Вечная гавань.

Гром упивался злобным смехом
Под пляски молний-паутин.
И отдавался гогот эхом
В прибрежных зарослях плотин.

Где приумолкло птичье племя
Укрывшись в бархатной листве,

А страх вокруг сосватал время,
Рождённый в грозном торжестве.

Он заползал в сердца и души –
Ужом невидимым для глаз,
Покой безжалостно нарушив
В нежданный час, в который раз.

В который раз, а будто в первый
Нас накрывает та же жуть.
Как раньше вдруг слабеют нервы
В лицо стихии заглянуть.

Со вспышкой вдоха грозового
Безмолвно молимся и ждём,
Что напряжения тугого
Лишимся с выпавшим дождём.

Вновь оживёт пернатых племя
Округу песней огласив,
А страх немой покинет время
Свой гордый нором усмирив.

Но память всплесками расшита
Порой вернёт в объятья грёз.
И над собой о пережитом
Зайдёмся в хохоте до слёз.

Наталья Килоч

В ДОМЕ, ЧТО НАПРОТИВ

В далеком доме, что напротив,
Я вижу в окнах мягкий свет,
И в том оконном переплете
Пытаюсь я найти ответ.

Наверно в доме том уют,
Мир и достаток полной чашей,
Благо желанно гостя ждут,
И там тепло душе озябшей.

Любовь и лад на много лет,
Бьют в унисон сердца друг-друга,
И в этом доме места нет

Наталья Килоч родилась 30.10.1965 года в г. Ленинске-Кузнецком. Окончила институт инженеров железнодорожного транспорта в городе Новосибирске. Имею двоих взрослых детей: сына и дочь. В настоящее время работаю в Полысаевском индустриальном техникуме мастером производственного обучения. Литературным творчеством занялась уже в зрелом возрасте. Изданы две книги: «Истории, написанные жизнью» и «Летит прозрачной паутинкой». Неоднократно печаталась в коллективных сборниках и местных печатных изданиях.

Для леденящего недуга...

А может в доме том тоска
И одиночество до боли,
И с завистью глядят глаза
В мой дом, с мечтой о лучшей доле.

ГРАНИЦА РАЗДОРА

Как обидно, как жалко, как грустно...
Мир поделен на две половины.
Хрупким пластиком треснула дружба,
А молчанье разводит нас клином.

Как нелепо, как глупо, как мелко!
Обделить половиной друг друга,
На часах одинокая стрелка
Счет ведёт не вперёд, а по кругу.

Как досадно, как больно, как вздорно!
Жить с полнебом, с полсолнцем, как можно?
Мне б шагнуть за границу раздора,
Да закрыта тобою таможня.

ЕЙ

Приличий цепь порвав на части,
Ей кошкой броситься в лицо,
Той, что проникла в дом несчастьем,
Сквозь обручальное кольцо.

И вывернуть Ей наизнанку
Всю душу. Не заметив сходства,

Найти малейшие изъяны
И утвердиться в превосходстве.

Ему: в лицо, к ногам, не знаю,...
Швырнуть достоинство свое...
Пройдя над пропастью по краю,
Безропотно простить Её.

УТРО В АЛТАЕ

Будили утро лошади в предгорье,
Мотая медным боталом устало.
Кувшинки сонно кутались в затоне
Тумана белоснежным покрывалом.

Святое таинство, сокрытое в веках,
Оберегали кедры часовыми,
Как в горной колыбели облака,
Уже рождаются седыми.

С ТОБОЙ

Хочу с тобой умчаться в лето,
Подальше, вслед за стаей птиц.
Меж двух миров зависнуть где-то,
Ни в чём, не ведая границ.

Без памяти в тебя влюбиться,
Растаять в неге томных глаз.
И потеряться, и забыться,
Среди наивных, глупых фраз.

Закатом спелым обмануться,
Полыни вкус запить вином,
Упасть в любовь и не вернуться,
Оставив правду на потом.

ЗАХОДИЛА КО МНЕ ЛУНА

Заходила ко мне луна,
Задержалась в окне моём.
В эту ночь и она одна,
Тосковали мы с ней вдвоем.

Мне шептала луна о том,
Что, мол, ведаёт-знает она
О пространстве совсем ином,
Где приют свой находит душа.

Изумляла меня белизной
И к созвездьям далеким звала,
Нежно гладила лунной рукой
Убаюкать пыталась меня.

Но не в силах луна мне помочь
У вдовы очень длинная ночь.

РАЗНОСТЬ ПОТЕНЦИАЛОВ

Осела мысль, как муть на дно стакана,
Под гнётом абсолютной пустоты.
Лицо застыло маской истукана
И в каждой клетке жизнь сковали

льды.

Вокруг бурлит весны весёлый праздник,
Ликует сочной зеленью аллея,
И угрожает мощным взрывом разность
Потенциалов созданных полей .

ПАРАЛЛЕЛЬНОСТЬ

Мы с тобой две прямые на плоскости,
Просто наши совпали пути.
Очень сложно одной духполосностью
Без разрыва по жизни пройти.

И течет наша жизнь параллельная,
Параллельно ложимся, встаём,
И сердец двух удары бесцельные
Мы с тобой параллельно ведём.

Равнодушно трактует учение
Свойство всех параллельных прямых:
«Невозможно их пересечение»,
Значит, шансов у нас никаких?

Я гордыни смирю упрямство,
Позабыв аксиом ерунду,
На тебя замыкаю пространство
И к тебе на сближение иду.

НЕ ГОВОРИ ПРО ОСЕНЬ

Прошу, молчи, не говори про осень,
Поймав опять задумчивый мой взгляд.
Пусть мне расскажет ветер, листья сбросив,
Над лесом дерзко совершив обряд.

Пусть мне о ней прошепчет нудный дождик,
Прильнув к стеклу ладонями в ночи,
И стая перелетных птиц продолжит,
Но ты молчи, прошу тебя, молчи!

Остыло солнце в вымокшем картоне,
И мир от осени уже неизлечим...
Согрей мою ладонь в своей ладони,
Давай об осени мы вместе помолчим.

ОКОНЧЕН БОЙ

Окончен бой, повержен лютый враг.
Тряпьем у ног его пылиться флаг.

Остался привкус крови на зубах,
Да боль чужая стонет в кулаках.

Где раньше возвышался Божий крест,
Там скальп врага теперь украсил шест.

За честь святую выигран бой! Виват!
Да только на душе и грязь, и смрад.

С победой лучше этот мир не стал,
Лишь ненависть возшла на пьедестал.

И Правда, что на бой звала – не та.
Внутри завывла волком пустота.

И я другая, прежней мне не стать...
Порой куда важнее проиграть!

Виктор Титов

Служить за страх желанья не имею,
О совести вообще не говорю,
Без хлеба обходиться научился,
Без водки обходиться не люблю.

Немного лирики позвольте
Вы мне в страницы пропустить...
Как будто ложкой мёда можно
Весь деготь жизни подсластить...

Виктор Георгиевич Титов родился в Польшаево в 1947 г. В районе шахты «Красный орёл» прошло его детство. Свою трудовую деятельность начал с 18 лет на шахте «Польшаевская – 2», начинал мотористом. В 1971 году пошёл работать на разрез Грамотеинский. В 1979 г. окончил КузПИ по специальности: инженер открытых горных разработок, осваивал, монтировал новую технику и работал на ней. На предприятиях «Русский уголь» работают шестеро Титовых, так образовалась династия горняков. Награждён медалью «Почётный механизатор угольной промышленности», кавалер ордена знака «Шахтёрская слава III ст.». В литературную группу пришел в 2011 г. Публикации: в альманахе «Кольчугинская осень», «Образ», «Свет Прометея», коллективных сборниках, газете «Польшаево» и др. Дипломант поэтических конкурсов.

К небесам звонком не дозвониться –
Трубку телефона не берут...
Счастье, как далекая зарница –
Видит глаз, да ноги не дойдут.

РЕКА

Когда на утренней заре
Туманом скрыты берега,
Когда искрится по росе
Тропинка рыбака.

Я прибежал к тебе, река!
От сырости продрог,
И дыма больше, чем тепла
Давал мне костерок.

Вот уже солнце слабеет,
Можно смотреть на закат,
Ветер прохладой веет.
А хорошо-то всё как!

Осень-пора золотая,
С травной горчинкой, дымок,
Листья в огне догорают,
Тянет присесть на пенёк,

Где-то в сторонке подумать,
Годы в уме перебрать.

Всё, что в огне не сгорело,
Будет в душе догорать.

МОЙ ГОРОД ПОЛЫСАЕВО

Как много общего на лицах городов:
Вокзалы – братья по проектам,
Разбивка улиц, ширина мостов,
Названья парков, скверов, монументов.

Приятно мне, что в городе моём,
Нет улиц агрессивного накала,
Нет монумента «кепка с Ильичом»,
И нет проблем плакатного обвала.

Здесь парк достойный имя Горовца,
И стадион – Абрамова страница.
Здесь тысячи имён достойны образца,
И много дел, чтоб образом светиться.

Прекрасен город мой и летом, и зимой,
Журчат фонтаны, распевают птицы.
Гордись Кузбасс, в заглавии твоём,
Мой город не последняя страница.

Во поле калинушка
горькая растёт.
К ней судьба – судьбинушка
тропкою бредёт,
Мне бы колокольчиком
растревожить даль

И зарею алою
указать тот край,
Где тропа – тропиночка
круто повернёт,
И судьба – судьбинушка
к счастью приведёт.

Утром рано тенью грусть мелькнула,
Мать склонилась, тихо надо мной,
Молча, след слезы с лица смахнула:
«Для тебя повестка, мой родной».

В дальний путь ворота отворялись...
Ковш по кругу, да во всю гармонь...
Мать украдкой, чтобы не смеялись,
Крест нательный клала мне в ладонь.

Уходил. А страх оборотится
не давал. И торопил мой шаг.
В сердце рану не зажмёшь рукою,
Увидав прощальный мамин взгляд.

Болью в сердце служба отзовется,
Будет мама по ночам шептать:
«Сохрани Господь, пускай вернётся!»
Бережёт сынов молитвой мать.

ЗИМА

Разбойник ветер, снег сбивая,
Кусает уши, лижет нос,

Под ёлкой, посохом играя,
Сидит усталый Дед Мороз.

С ним рядом дерзкие старушки –
У них характер зол и крут –
Они ногами бьют в подушки,
Перины снежные трясут...

Спеши, о, путник, снежной тропкой
Уйти от нечисти лесной,
Скорей найди избу с протопкой,
А лучше – с девкой бедовой.

Галкам, дворникам забота:
Облетели тополя...
Листья вымел за ворота,
Да не держит их земля.

Дунет ветер, закружатся,
Словно в парке карусель,
Словно бал осенних вальсов
Не кончается весь день.

Галки – тоже эко птица!
Летом в кроне тополей
Их гнездится и селится
Птичий город меж ветвей.

Ветродуй – старик затейный
Показал свой злобный нрав,

И увидел град осенний,
Что от галок – стыд и срам.

Отбросим грязные мыслишки
Не будем время зря терять,
Накроет снег поля и мишки
В берлогах будут зимовать.

И грянут зимние морозы,
Под лёд укроется река.
И там, где были перевозы
Сольются вместе берега.

А Новый год настанет скоро,
Ведь санный путь – не тракт торить,
И на Руси привыкли споро
Коней по краю торопить.

ЖЕНЩИНЕ

Сударыня, вы вытканы их грёз.
И я за то, чтоб все об этом знали.
И не одну, а миллионы роз
ковром любви
Вам под ноги бросали.

Сударыня, вы роза средь цветов.
Царица и краса оранжереи.
Мир без цветов как музыка
без нот
Без женщин мир, последний день
Помпеи.

*Олеся
Шмакович*

Я принимаю жребий свой покорно,
Ведь никому не избежать креста.
Там, где любовь тогда пустила корни,
Теперь сочтется кровью пустота.

И пустота не зарастёт вовеки,
Как никогда не отрастёт рука,
Что ноет в пустом рукаве калеки,
Столкнувшегося с лезвием клинка.

Жить с пустотой – нелёгкая наука.
И если уж совсем невоготу...
Протез, конечно, не заменит руку,
Но всё-таки заполнит пуетоту.

Олеся Шмакович родилась на Сахалине в 1984 году. Часть детства провела в Прибалтике, с 1994 года живёт в Сибири. Первое стихотворение написала в 14 лет под влиянием ностальгии. В студенческие годы на время выпала из литературной жизни. Вернулась к ней в 2013 году. С тех пор активно участвовала в различного рода конкурсах от городского до международного масштаба. В 2018 году успешно дебютировала как драматург, заняв второе место в конкурсе «Красный нос», председателем жюри которого был Михаил Жванецкий. Сейчас обучается на сценариста в киношколе «Снигири».

За портьерами тьма суетиться.
Сердце рвёт мне собачий плач
и мерещится злобная птица.
Чёрный ворон? А, может, грач?
Словно маску чумного доктора
надевает тупая боль.
Ночь без сна – бесконечно долгое
наказание нам с тобой.
Анальгин не даст облегчения.
Иногда и лекарство – яд.
Бьётся крыльями в тесном черепе
в голове моей боль твоя.
Так зачем же нам было ссориться?
Подойду к тебе, обниму.
На двоих разделив бессонницу,
убаюкаем птицу-тьму.

Кромка солнца разрежала горизонт,
распорол на небе вчерашний шрам.
Восторгаться, казалось бы, не резон:
Есть в закатах какой-то безумный шарм.

В сотый раз наливается болью синь.
Кошки вышли на крышу луну ловить.
Подмигнул во тьме жёлтый глаз такси.
Может, выйти навстречу своей любви?

Кровь заката мёрзнет в ветвях рябин.
Я пойду проторённым судьбой путём.

Свет далёких звёзд на снегу рябит.
Мы до них когда-нибудь дорастём.

Я растеряна и расстроена.
Чувства и мысли измяты, порваны.
Но что же поделывать раз трое нас,
и любовь не разделишь поровну?

Серый дом в потрепанной шинели
на войну никто не призывал.
Но фасад весь в шрамах от шрапнели,
вместо лестницы чернеющий провал.
Этот дом серьёзно покалечен –
стену бомба срезала ножом.
Уцелевший стул расправил плечи.
Жаль, что не был он вооружён.
Стол застыл у самого обрыва,
скатерть поперёк него бинтом.
Люди, уцелевшие от взрыва,
бросили больной, усталый Дом.
Он стоит как памятник потерям,
чтобы не забыли о войне:
Там, где были сорванные двери
листья прорастают по весне.

СВОБОДОМЫСЛИЕ

Всегда есть те, кто за свободу
С улыбкой радостной умрут,

Пройдут сквозь всё: огонь и воду
И лабиринты медных труб.

«Свобода, равенство и братство»
Звучит пощечиной властям.
Но каждый отдаётся в рабство
Своим же собственным страстям.

И ухмыляется лукавый:
Как грешен человек и слаб!
Один слуга минутный славы,
Другой – искусства вечный раб.

Тот служит глиняным богам,
А этот молится Иисусу...
Дана одна свобода нам:
Ярмо себе найти по вкусу.

Я роняю пепел на колени.
Видно, от него в душе черно.
Скорбных мыслей сумрачные тени
мечутся, как тучи за окном.
Там в кипящих лужах тает лето.
Дождь, устало выдохнув, затих.
А любовь, горчит, как сигарета.
Мы её курили на троих.
Это очень вредная привычка:
ждать годами так, как я ждала.
Но надежда, хрупкая как спичка,
не могла никак сгореть дотла.

И покрылось ровным слоем пепла
сердце – тёмно-серое пятно.
Я любовь свою бросаю в пекло
и курить бросаю заодно.

Маленькие солнечные рыбки
плещутся в распахнутых глазах.
Таёт отражение улыбки
в глубине зрачка. И тонет страх.

БЕЛАЯ ВОРОНА. МОНОЛОГ

Быть белой в чёрной стае это страшно,
Ведь множество сильнее единицы.
Мне никогда не слиться с чёрной пашней
И с чёрной стаей никогда не слиться...

Соломенный солдат стоит на страже
И бережёт крестьянские посевы.
Но даже если вывалиться в сажу,
Мне никогда не стать такой как все вы.

И потому на север улетаю,
Мне не страшны морозы и пурга.
Быть может, где-то там гнездиться стая,
Ворон, таких же белых как снега.

Не люди вокруг, а тени
распяты на стене

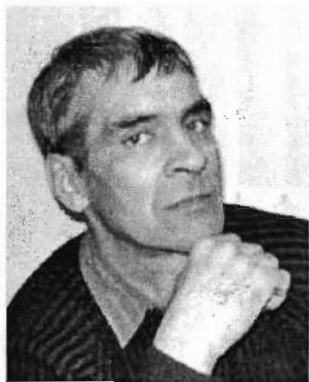
срываются на ступени,
на серый щербатый снег.

Теням не хватает солнца.
Мы все от него растём.
Но может хоть луч пробьётся,
сквозь чёрной тоски проём.

ЗВОН МОНЕТ

Звон монет – колокольный звон –
Небосвод им насквозь пронзён.
Облака – или души? – в хлам.
Тело снова Мамоны храм
Отраженье монет в глазах
вместо бликов в зрачках – азарт
Не монета – вопрос – ребром:
что отныне считать добром?

Не монета в окне – луна.
И рассвет не темней вина.
А вино горячей вины
Перед небом мы все равны.
Только небу не всё равно,
что утянет тебя на дно.
Если сходит душа на нет –
в яму катится звон монет.

Александр Доберман

РАЗБИТОЕ ВОЙСКО

Боли в сердце довольно резкие.
Я устал быть любимым и верным.
Есть причины для этого веские,
Я сливаю любовь по нервам.

Наигрались в «войну», довольно!
Я в шеренге с тобой буду первым.
Но, звучала команда «Вольно!»
Я сливаю любовь по нервам.

Прокурором душа не будет,
Это суд без вины виноватых.
Каждый сам пусть себя осудит,
Мы разбитого войска солдаты.

Александр Доберман родился 28.09.1963 г. на Алтае. Стихи начинал писать в семь лет. Продолжил, когда служил в армии. Участник литературной группы «ЛИК», литературного цеха «Образ». Публиковался в журнале «Огни Кузбасса», в альманахах «Кольчугинская осень» и «Образ», в газете «ЛИК». Проживает в г. Ленинск-Кузнецкий.

СНАЙПЕР

Снайпер нажмет на курок,
и сердце безропотно сдохнет.
Как пулю в назначенный срок,
Любовь принимаю на вдохе.

На вылет грудину пробив,
И всё будет в цвете пурпура.
К убийству быть должен мотив,
но нет его, пуля ведь дура.

ИГОЛКА

Снова сердце закрутило,
И душа в груди без места.
Боль на ребра накрутило,
Птица счастья без насеста.

Дождь пойдет, а я без крыши,
Стыдно, если кто-то в гости.
Небо ниже – звёзды выше,
Счетовод бросает кости.

Много места – мало воли.
Не корми с ладони волка,
Всё равно он в лес, то в поле,
В поле стог, а в нём иголка.

ПО ТРОПИНКЕ ВЕСНЫ

Я из города К. в город Л.
Наша карта удачи туз.

Это время я сердцем задел,
Ты причина со знаком плюс.

Я к тебе по тропинке весны,
Вдоль которой цветные дома.
Ты виновница тонкой волны,
От которой родятся шторма.

Я не буду бросать слова,
Мимо сердца, и урны тел.
Я надеюсь, весна права,
Возвращаюсь в свой город Л.

СПОР

На пороге правил строгих,
Сам себя я бичевал.
Снисходил до всех убогих,
По подвалам ночевал.

Мера глотки – литр водки.
Почему бы не налить?
Пил со мною черт с бородкой,
Поучал, как надо жить.

Я все реже вены режу,
Не влечет меня петля,
Но в душе тревоги скрежет,
Завелась сомнений тля.

Перемены рушат стены,
И мудрец спустился с гор.

Черт себе вскрывает вены.
До чего ж доводит спор.

КОВЫЛЬ

У тебя есть волшебная сила.
Ты же можешь, всё можешь почти,
Это – слово, по мощи тротила,
Так взрывай же меня, прочти!

Приговор или милость Коронную,
Ты заложишь в убойный заряд,
Прямо в душу к доверию склонную,
Или в сердце, чтоб был результат.

Пусть меня разнесёт на кусочки,
Превращая в дорожную пыль!
Разметало волшебные строчки,
По полям, где не вызрел ковыль.

ВОЛЧОНОК

Боль в душе её не тленна.
Сердце рвется в лоскуты.
Так жестоко, откровенно
Гибнут детские мечты.

Гибнет все, что так искрилось.
Нет её среди девчонок.
Там где сердце звонко билось,
Поселился злой волчонок.

Он растёт, клыки крепчают.
Колесницей время мчится.

Эта девочка не знает,
Что становится волчицей.

Я СОЛНЦЕ

Может я не довоспитан,
Но душа моя не врёт.
Как роман я не дочитан,
И надежен переплёт.

Не ищи во мне изъяна.
Предо мною белый лист.
Пусть поэт сегодня пьяный,
Но как снег альпийский чист.

На хвосте несёт сорока,
Про меня дурную весть.
Не ищи во мне порока,
И на Солнце пятна есть.

НЕЛЬЗЯ ОСТАНОВИТЬСЯ

Какие мрачные страницы.
Какие грязные дороги.
Я не могу остановиться.
Не наступайте мне на ноги!

Мне жаль убогих и несчастных.
На них смотреть порою грустно.
Я сам счастливым был не часто.
Не наступайте мне на чувства!

Я не ищу уже Любви.
И перед смертью я не струшу.
Не затыкайте рот при слове!
Не наступайте мне на душу!

ГИМНАСТЁРКА

Я сижу в своей каптёрке,
Мне бы жить, да не тужить.
Жизнь в потёртой гимнастёрке...
Мне бы взять, на всё забить.

Жизнь лукава и превратна,
Посмотри со всех сторон;
Невозможен путь обратно,
Сзади скопище ворон.

С острым клювом, чернокрылы
Поклевали всё зерно.
Так тоской меня накрыло,
Стало всё мне всё равно.

Вот сижу в своей каптёрке.
Я за всё с лихвой плачу.
Жизнь в потёртой гимнастёрке
Стала мне не по плечу.

Марина Трофимова

ПРОСТО, КОРОТКО, ОБОБЩЕННО...

Просто, коротко, обобщенно
 Не могу я связать двух слов –
 Я хочу сказать столько... Столько!
 Только слушать ты не готов...

У тебя на последнем месте я,
 А на первом – дела, дела...
 Посочувствовал бы невесте:
 Я ведь столько тебя ждала!

Я надеялась! Я – любила!
 Но ты предал мою любовь!..

Трофимова (Фензель) Марина Владимировна, 06.11.1976 г. р. Родилась и выросла в г. Ленинске-Кузнецком. Окончила Новокузнецкий государственный педагогический институт. С 1999 г., с небольшими перерывами, работала в СМИ региона. Начала писать стихи в начальной школе. Детское увлечение родители изначально не восприняли всерьез. Но со временем приняли творчество дочери и поддержали его. Член литературной группы «Прометей» (г. Полысаево).

Если думаешь, всё забыла –
Не надейся, я вспомню вновь!..

Все. Пальто я уже надела.
И не надо прощальных слов:
Я ведь столько сказать хотела! –
Только слушать ты не готов...

НЕУСТОЙЧИВОЕ НАСТРОЕНИЕ

Ещё вчера здесь было сыро.
Куда ни глянь – одна лишь
грязь.

Зима всё за ночь забелила,
Над чёрным городом смеясь.

На лужах ледяные стёкла,
В сосульках грустные дома –
Здесь всё, что таяло и мокло
Хрустальным сделала она.

В снежинках город как в тумане.
Зима же, добрая душа,
Волшебными карандашами
Записки пишет не спеша

На проводах, столбах и крышах,
И на скамейках, и на льду
Рукой усталой робко пишет:
«Ушла. Но я еще приду».

Когда рассвет земли коснулся,
Весь снег водою талой стал.
Лишь тот, кто раньше всех проснулся,
Зимы записку прочитал.

РОССИЯ

Ты «черным золотом» богата.
Где вечные леса шумят
Под землю, как отцы когда-то,
Спускается наряд ребят.

Кто выдаст больше? – Улыбнутся:
Сложна шахтерская игра.
Опять в земную плоть вгрызутся,
Пуская уголь на-гора.

И знают парни молодые,
Вновь угольный вскрывая пласт,
Что за спиной у них родные
Россия, Родина, Кузбасс.

АПРЕЛЬ

Апрель! Апрель!
Сияет солнце ярко.
И птицей в вышине
Звенит весенний день.
На улице сегодня очень жарко.
Сосульки тихо отползают в тень.

Ручьи в снегу
Хотят пробить дорогу

Уже не для себя –
Для маленьких ручьят.
Под солнцем снег стекает понемногу,
И лужи-зеркала, как звездочки, горят.

Весна! Весна
Привычно чавкнет грязью
Под озорной мотив,
Что нам поёт капель.
И пауки картины пишут вязью.
И шествует по улице апрель.

ДИАЛОГ

– Осенью Вам печально?
– Печально? – Весело необычайно!
– Необычайно весело? В самом деле?
А если с деревьев листья облетели?
– Листья облетели? – Да Вы взгляните:
Они на юг полетели, парят в зените;
Лес приветливо манит ветвями:
«Милости просим».
И совсем не хочется верить,
Что на улице осень.

ОТКРЫТЫ ВСЕЛЕННЫЕ

Открыты вселенные,
Другие миры –
А пустыне по-прежнему
не уйти от жары:
Ни куста запыленного,
Ни скамьи отдохнуть.

...По песку раскаленному
продолжаю свой путь...

СПЛЕТНИЦАМ

Лью в бокал ледяное шампанское –
Слез не лью.
Ах, эти милые сплетни дамские
Про верность мою!

И кого бы она тревожила,
Любовь моя?
Только слухи людские множила
Через края.

А в меня, как всегда,
Влюбляются –
Не в первый раз.
Почему-то в меня влюбляются,
А не в вас!

ЭЙ, РЫЦАРИ НА БЕЛЫХ СКАКУНАХ!..

Эй, рыцари на белых скакунах!..
Плащи, гербы, куплеты для любимой,
За власть борьба
И гордый взгляд орлиный...
Неужто это всё осталось в снах?
...Эй, рыцари на белых скакунах!..

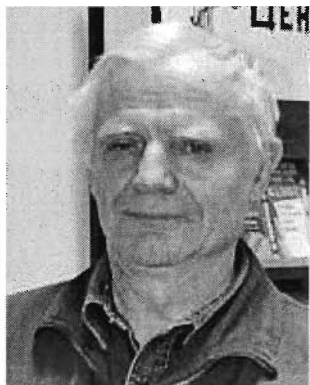
Неужто только в книгах и стихах
Балы, охота, музыка и танцы?

Монеты звон и толпы оборванцев,
И соколы в бездонных небесах?
...Эй, рыцари на белых скакунах!..

Да где же вы?
Я слышу шелест листьев,
Поднятый ветром реюющих знамен,
И стук копыт, и шпаг знакомый звон:
Всё это, что живет в моих мечтах
Про рыцарей на белых скакунах...

ВОСКРЕШЕНИЕ

Душа исчерпана. Надежды
В ней не осталось ни на грош.
И мне тесны мои одежды,
И пробирает тело дрожь,
Обида заливает разум,
И застилает гнев глаза,
И жажда мести – всем и сразу –
Наружу просится гроза.
Внутри кипит, бушует лава,
Счастливая перегореть, –
Не до любви и не до славы –
Была б возможность умереть!
Про всё на свете забывая:
про веру, благородство, честь, –
Уже не помню, что была я,
И не уверена – что есть...
Но вот сознание окрепло.
Я снова начинаю БЫТЬ.
Так воскресаю я из пепла
Опять готовая любить.

Николай Пирогов

Лягушка квакала, скакала,
Царевной стать она желала,
И царь Кулик её заметил,
Ей поцелуем он ответил.
Не долго в воздухе царила,
Царю на ужин угодила!

Убитым был
Комар в бою,
И кровь пролил,
Но не свою.

Пирогов Николай Абрамович родился в 30 августа 1945 г. в г. Ленинске-Кузнецком. После школы получил шофёрское образование в Новокузнецке. И в армии «шоферил». Потом работал в геофизике, потом на участке осушения шахты «Октябрьская», сначала простым горнорабочим, потом дежурным электрослесарем по авариям. Участник литературной группы «Прометей» с 2012 г. Публиковался в газете «Полысаево», альманахах: «Кольчугинская осень», «Свет Прометей»; в коллективном сборнике «Это судьба, и ничья, не другая...». Автор книги «Напевы осени».

Бежал домой, так есть хотел,
Собаку, кажется бы съел,
Но тут за мной голодный пёс...
Я так ещё не бегал кросс.

Водил на выставку собаку.
Нашли у Дика много браку.
А пса он так любил и славил,
Что всё жюри он сам облялял.

На склоне лет я вновь спешу,
Найти себе под солнцем место.
Стишки какие-то пишу,
И кто-то скажет: «Впал он в детство...»
А я как рыба, сверху лёд
И свет идёт, но не пробиться,
Я знаю, там ни что не ждёт,
Но к свету хочется стремиться.
Творит и манит этот свет,
На жизнь он душу вдохновляет.
Поймёт меня, а может, нет,
Кто одиночества не знает?

Златом осень одарила,
Напоила красотою,
Свежим ветром окрылила,

Рифмой доброю простою.
Улетая, помнят птицы
Красоту земли сибирской,
Им желаю возвратиться
В край родной для них и близкий.

Она о чём то говорит,
А мне бы ею любоваться...
Меня к ней тянет, как магнит,
Но взглядом с ней боюсь встречаться.
Я встречи жду, но трудно мне
Душой её души коснуться.
Когда является во сне –
То мне не хочется проснуться.
Другой такой я не встречал,
Седой, давно уставший путник.
Я для неё луной бы стал
На расстоянии, как спутник!

Зима, зима так надоела,
И кажется ей нет предела.
А хочется тепла простого
От солнца, ветра и простора.
Где бьёт ручей, сугробы точит,
И первоцвет родится хочет,
Семья скворца на ветку села,
Свой гимн любви весне запела.
Но где-то долго задержалась
Весна в метелях затерялась.

Не тает лёд и снег идёт,
А мир тепла с надеждой ждёт!

По штреку движется задорно
И шутки сыплются как град,
На месте дружно и серьёзно
Бригада выполнит наряд.
А после смены смех, веселье,
Накрытый стол их в доме ждёт,
Кому-то справят новоселье,
Иль встретят вместе Новый год.
Беда случится с каждым может,
Когда ни кто не ждёт её,
В бригаде каждый тут поможет
И примет горе как своё.
Шахтёры все такого нрава,
Проходка или очистной.
Трудом добытая там слава
Шахтёрской дружбою простой!

Осень спешит к нам весёлой синицей
Лета колор перекрасить стремится.
Осень шалунья, художница, модница
В злато одела деревья, не скромница,
Всё одарила палитрою цвета,
Осень цветёт – значит, кончилось лето.

Надежда Якушева

ПРИЕЗЖАЙ

Приезжай на меня посмотреть.
 Пепел прошлых обид
 В декабре хладнокровном украсил
 меня в белый иней.
 Умирает любовь долгий век –
 успокоится, сгинет –
 Наше время настало о юности
 глупой скорбеть.

Приезжай-приезжай, отшумел
 шторм горячих страстей,
 Май-флейтист отыграл
 поднебесные нежные фуги.

Якушева Надежда Гавриловна родилась 26.06.1952 года в городе Ленинске-Кузнецком. Образование высшее, учитель начальных классов, педагог-психолог, педагогический стаж двадцать лет. Пишет стихи и прозу. Автор четырёх книг: «Жизни моей ветка», «На серебряных крыльях волнь», «Небо не растает», «Задержи наше солнце». Является финалистом, лауреатом и участником многих фестивалей и конкурсов. Публикации в коллективных сборниках и альманахах, городской и общероссийской газетах. Принимает активное участие в общественной жизни города.

Присмирела гордыня, истаяла в будничной скуке.
Приезжай, не скорбеть чтоб от горьких далёких вестей.

Появись, я хочу посмотреть, задержи этот свет!
Он играет, сплит, утром гладит лучом полусонным,
Не сковал холод воздух и жизнь – задержи наше солнце!
Мы с тобой не простились...
Я хочу на тебя посмотреть!

СИДИ ДОМА

Мы – русские, не то переживали,
Авось, небось, и это проживём!
Опасный мир спален смертельным шквалом,
Раскручен вверх спирали виражом.

Насторожённо и осторожно
Открою двери в тревожный мир.
Я в настоящем, что будет прошлым,
Вдыхаю воздух, как эликсир.

Полупустыня. Меня пугает
Людей скопление. Защитой – вдох,
Свеж респиратор. Без маски – крайний.
Граница – метр для нас щитом.

Спешат куда-то с лицом пожухлым,
Листом осенним склоняясь вниз,
Бабули. Дышат. Хоть и проруха,
Природы юной влечёт магнит.

Воздушный шар витаминкой жёлтой
Бесстрашно пляшет на мостовой.

Дедок согнулся, гнетёт кошёлка,
Он тяжело дышит, но он – живой!

Задорный шарик беспечно виснет,
Включая солнце в печаль седин.
Бессмертный шарик как символ жизни,
Но шрифт чернеет:
«Домой иди!»

ПУЛЬС МАРТА

Мартовская сумятица. Грусти бледный букет.
Солнце нахально пялится, ветер влачит пакет.
Дни друг за другом катятся, вечер трагично пуст.
Шелест четвёртой пятницы, – капли стучат, как пульс.

Он не придёт из шахты, – вскрикнет стеклянный лёд.
Будут соседки ахать, – сын его утром найдёт.
Ночь. Не дошёл до дома, жизни лишили в логу, –
Скудной зарплаты шахтовой хватит на перекур.

И озерцами крови стынут гвоздики кругом,
Ссадины возле брови старый отметит дом.
Приторные гвоздики, павшие по углам,
Телом своим поникшим, словно текут из ран.

Вдовье лицо белеет... Нет на глазах больше слёз.
Заледенели нервы, всхлипом почил вопрос: –
Как же семья, и дети будут расти без отца?
За беспредел кто ответит? – Снова «глухарь» – адресат!

Чернополосица жизни, скорбный у горя удел,
В небе, в просвете синем, лезвием луч зардел.

Март во дворе расплакался, слёзы – в ледовый паркет,
Плачет последняя пятница, сник ритуальный букет.

МОНАХИНЯ

Отстранённая бледность. Тихий безжизненный голос.
Ты согбенной вошла в храм из жизни мирской
С отрешённо застывшим, как маска, лицом,
Потеряла доверие к миру, спалённая горем.

Время споткнулось и замерло, стыннут льдом свечи.
Запах ладана приторной лёг пеленой,
Приклонилось смирение рясой земной.
Бог тебя не предаст: надёжный защитник, советчик.

Гляжу на лицо молодое – хочется плакать:
А бывает душе в жизни вечный покой?
Это – подвиг, монашество в век непростой.
Крест смиренно целуем, а мысли – во мраке.

Помолись, чтобы мы обрели бесконечную твердь:
Нет покоя мирянам в стремительной жизни,
Неуёмны с рождения, в муках – до тризны.
Мы грешны. Научи нас молиться и верить.
Терпеть и прощать. И – жалеть.

СОМНЕНИЯ

Весенний вечер стал для нас последним,
Растаял лишних слов уставший шум.
Солёный бриз – разлук и встреч посредник,
Раскинул крылья ночью для безумств.

Разбилось то, о чём светло мечталось,
В глазах застыли горький мёд и лёд,
Закат блистал тревожной лентой алой,
Направив мысли в горестный полёт.

Сомненье – страх при выборе решений:
Куда ведёт неожиданный поворот?
И без раздумий светлое прощение
Неверья лабиринты разобьёт.

И вновь я в прошлом, память – мой предатель,
Что умирят всех сомнений шторм,
И виноватый снова мне приятен,
Как солнца луч в потоке стылых штор.

Зачем спешу я в прорубь ветхой двери?
Там год истлел, как жизнь календаря.
Быть здесь, сейчас и в будущее верить,
И ждать, когда зардеется заря!

Небо не растает, море не застынет,
Не исчезнут волны, облака.
Локоны на небе, кудри в море синем,
Щедрость у природы велика.
Небо – это море, море – это небо,
Не измерю ширь и глубину.
Бродят отражения по лазури нежной,
Усмиряют вздорную волну.
Разлился рассветом день клубнично-яркий,
Изумлённых глаз не отвести.

Расцветает море солнечным подарком,
Тайны мироздания совместив.
Небо не растает, море не застынет,
Красота нетленна на века,
И на горизонте слились воедино
Волны в небе, в море облака.

МОЙ ПРИЧАЛ

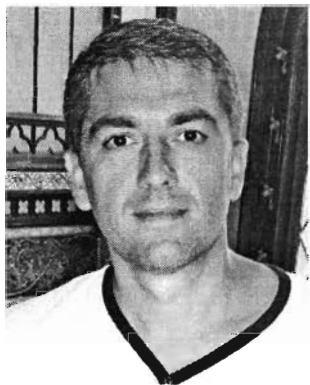
Я здесь рождена у реки на рассвете,
Мой город, берёг ты меня с колыбели,
Мы вместе с тобою росли и выросли,
Влюблялись, страдали, делили секреты.

Ты благоухал в темноте маттиолой,
Дурманил сиренью, светился геранью.
Палатки белели в лесах лагерями,
И сбор пионерский трубил возле школы.

Стал чистый, красивый, но не безупречный,
И всё же люблю город свой задымлённый,
Мы связаны кровно единой землёю,
Нет смысла истории нашей перечить.

Моя колыбель, мой причал невесомый,
Глаза просветлели, впитавшие небо,
Мне звёзды блистали, мигали кометы,
Спокойно на родине, снежно-знакомо.

Мой город, раскинувший крылья-проспекты,
Прожили с тобою все радости, боли,
Ты мой сизокрылый, трепещущий голубь,
Берёзовым машешь из детства приветом.

*Алексей
Попов*

БЕГУЩЕЙ ЖИЗНИ КОЛЕЯ

Вот часом день прошёл, мелькая,
И вечер года проскакал.
Бежишь, порой не замечая,
По кругу жизненных зеркал.

И в отражении под сенью
Круговорота бытия
Я вижу лишь лица старенье,
И тиканье календаря.

Сверкнёт порой в минутных думах:
«Мир призрачен вокруг меня!»
И снова, снова мчит по кругу
Бегущей жизни колея...

Попов Алексей Викторович родился в городе Ленинске-Кузнецком. Проживает и работает в родном городе. Гордится тем, что родился, вырос и живёт на русской земле, русским человеком! Стремление человека к творчеству, считает одной из вех его развития как человека. Поэтому творческое проявление находит в стихотворном и песенном изложении. Трудовая деятельность связана со спасением людей в шахтах и ликвидациями аварий на угольных предприятиях.

ТАЙГА

Мохнатые ели тайги
Укутаны снежным бурьяном.
Вечерней порою не зги
Не видно, лишь ветра-буяна
Разносится посвист лихой,
Окутавший звёздной метелью,
Берлогу медведя покой
Хранит под заснеженной елью.
Тайга – кладовая лесов,
Обитель заветных преданий.
Еловое царство снегов,
Луной отражённые дали.

ОМОЮСЬ РОСАМИ ЗЕРКАЛ...

Цветком раскинется бутон,
Душа проснётся с песней.
И с трелью птиц прольётся звон
Рассветом на полесье.

Омоюсь росами зеркал
И рушником цветковым ветра
Я обнимусь в заре начал
С лазурью утреннего света.

Прольётся радостью душа
В улыбках нежных хоровода.
Любовью чистой дыша,
Одарит Матушка природа.

Не рождён я поэтом певучим,
Рифму разную мне не познать.
Не слагается слово в трезвучье,
И по правилам трудно писать.

Я слова собираю в катрены,
Как мозаики детский узор
Рассыпаются строчные стены.
Но в душе разгорелся задор.

Образ, вызванный чувством, душою,
Не уложится в рамки стихов.
Силой звучной дорогу построю
Я в сердца человеческих снов.

Проснулась осень золотая
Протяжным проливным дождём.
Узором бронзовым сплетая
Дрожащий кроновый подъём.

Багровой нитью окаймлённой
Пестрит звенящая листва.
И ветер далью окрылённый,
Поры осенняя молва.

Буяна вихри озорные
Свинцовых облаков ларец.
Под барабаны грозовые
Ступает Осень в свой дворец.

ДВА МАЛЕНЬКИХ СОЛНЦА

Моим дочкам

Две дочки – два маленьких солнца
Ласкают улыбкой тепла.
В объятья, с любовью прижмутся
Два счастья – мои два крыла.

Задора бегущего топот
И сна пробуждающий гам.
А в доме веселия хохот
И счастья семейного храм.

Родились цветки пробужденья
Растут просыпаясь с зарёй.
Мой жизненный дар откровенья
И силы парить над землёй.

Ксения Фомина

не надо,
 звезда моя, маленькая,
 не влюбляйся.
 такие как ты появляются для того,
 чтобы дарить свой свет другим.
 не бойся
 показывать солнечный космос души
 не удивляйся
 когда погаснут все фонари
 и людям заменишь их ты
 не сомневайся
 в чистоте своих глаз-светлячков

Фомина Ксения Андреевна родилась 19 июня 1998 года на Украине в г. Орехов. Закончила медицинский колледж в г. Ленинске-Кузнецком. На данный момент живёт в г. Кемерово и учится в КемГИКе. Стихотворения начала писать с 12 лет. Кроме литературы увлекается ещё и фотографией. Публиковалась в журналах: «Огни Кузбасса», «Енисей», «После 12»; альманахах: «Кольчугинская осень», «Образ». Лауреат девятого областного конкурса юных литераторов «Свой голос» и «Межрегионального конкурса им. Игнатия Рождественского», финалист второго международного конкурса «Русский Гофман».

не влюбляйся,
звезда моя, маленькая,
не надо.
такие как ты появляются для того,
чтобы светить,
поэтому,
пожалуйста,
не погасни.

«покажи свой любимый цветок»
улыбаешься,
задавая этот вопрос шёпотом
когда мы стоим в магазине
с названием «цветы»
мне не нравится то,
что предлагает девушка с брекитами
закрываю глаза и представляю
как сирень блуждает по коже
как от пионов кружится голова
как роса спускается с ландышей
но это всё не то
ты проводишь пальцем по моей щеке
и возвращаешь в реальность
приоткрыв глаза,
показываю пальцем на тебя

отпускаю кораблики
плыть по маленькому ручейку,
давая каждому из них

имя
фамилию
отчество
аккуратно вывожу шариковой ручкой
фарфоровые буквы.
создаю из листка бумаги тело с
шрамами
синяками
татуировками
смотрю как медленно уходят корабли
и машу им в спины ледяной рукой,
прекрасно понимая,
что мне всё равно.
ты – это редкий вид кораблей,
которые я не хотела отпускать

В ад
спешат
люди – гвозди,
возле себя
оставляя:
души,
бензин,
пламя.
и от этих криков
закладывает уши.
в глазах отражаются
адские круги,
а ветер чертил по линейке
квадраты,

превращая их
в две замкнутые дуги.
Дьявол встречает
всех
и раздаривает им время,
а мне он подарил печаль,
которая ползёт
улиткой
по венам.
люди торопятся дальше,
а он берёт меня за руку
и показывает свою
коллекцию душ,
вытащив из сердца
железный веер.
и нащёптывает :
смотри, милая,
человеческие души
тоже
ржавеют.

**

тоска –
удушьё.
душно
в Душе или душЕ?
мои зрачки расширяются
как воздушные шары.
закрываю глаза.
выдыхаю.
повторяю:

завтра будет хуже,
радуйся.
а головная боль марширует,
играет на трубе
в белых перчатках
и доказывает
свою важность.
она не любит тоску
и её скулам не даёт скучать,
а после эти двое
за одним столиком пьют чай.
но когда я пытаюсь вмешаться,
они вопят в голос:
не мешай.
каждое утро строю себя
по частям,
закручиваю все болты отвёрткой,
пока окружающие люди
меня разбирают
и каждый из них приходит
со своей верёвкой.

Д. Л.

сижусь на полу и повторяю себе:
– мне все равно
а потом ломаю палец себе
потому что
начинаю набирать тебе сообщение
и я не знаю, что больше:
сломанный палец или отсутствие человека
но когда я увижу от тебя сообщение

(возможно когда-нибудь?),
то посмотрю на все сломанные пальцы
и только в эту секунду осознаю,
что боль —
это иллюзия

С. Л.

страх цветёт в лице напротив,
когда мы отрываемся от падения снов,
забывая о притяжении,
и сильнее жмём
на газ.

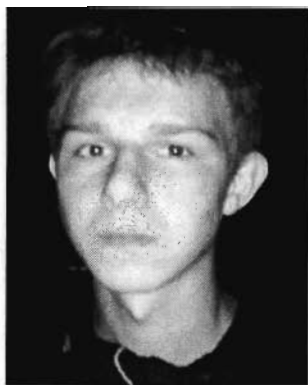
я не помню ничего,
кроме блестящих капель,
которые закрывают друг друга плечом
от больных слов.

спрячу твою улыбку
у себя в голове
и буду держать в секрете
от вселенной.

страх цветёт в лице напротив,
когда мы смотрим на солнечные лучи,
забывая про ночь,
и крепче держимся
за них ладонями.

я не помню ничего,
кроме твоего желания
добавить в людскую жизнь света.

страх цветёт
и во мне,
но это не последний
раз.

Владислав Попов

Оперевшись о барную стойку,
Он топил все проблемы в бокале,
Он топил все печали. Их столько...
Вы навряд ли бы пересчитали.

Но бокал утянул за собою
И здоровье, ком денег наличных.
Парень вышел. Пошёл за звездой
Путеводной по крышам кирпичным.

Быстро парень, ведомый светилом,
Убегал от проблем... Вопли, воздух...

Попов Владислав Александрович родился 27 февраля 1999 года в городе Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области. Все детство провёл в посёлке городского типа Никитинский. До 7-ого класса обучался в школе № 15, после в МБНОУ «Гимназия № 18». С 2014 года живёт в городе Ленинск-Кузнецкий. Стихи пишет с 2015 года. С 2015 года участник литературного цеха «Образ». Дипломант Межрегионального конкурса им. Игнатия Рождественского за 2016 год. Дипломант Всероссийского фестиваля поэзии им. Алексея Бельмасова.

Убежал от проблем. Осенило:
«И у дьявола тоже есть звёзды».

Буря ночных размышлений
Преображает тоску.
Больно, страдая от лени,
Вгрызться в глаза потолку.

Тишь и безмолвие улиц
Дарят желанный покой.
Тени деревьев коснулись
Век, затворив их рукой.

Сон пробирается, хмурясь –
Воображенье бурлит,
Ибо зловещая буря
Всё же не спит.

В сложные лёгкие по ветру
Входит палитра дымов.
Словно печальную оперу,
Я разыграю любовь.

Буду шептать о романтике,
Класть лепестки на кровать –
В сердце мороз, словно в Арктике,
Так что, приходится врать.

Кажется, долгие поиски
Нас приведут в никуда.

Как бы хотелось мне кое с кем
Сердце разжечь без труда.

Время шагнуло за полночь.
Веки упали в бессилии.
Поезд за окнами – сволочь –
Уши уснувших насилует.

Пара кварталов объята
Гулким, ужаснейшим топотом.
Люди, молясь на пляды:
«Поезд, потише, шёпотом».

Скрыть бы его недостатки.
Слушайте, изобретатели:
«Сделайте поезду тапки!
Станет и жизнь замечательной».

СТАРУХА-ОСЕНЬ

Годы подходят к концу.
Лысой становится тётка.
Радость уже не к лицу.
Смертные долбят чечётку:

Холодно. Капает снег.
Капает и умирает.
Молнии валятся с ног.
Кадры далёки от Рая.

Птицы бегут поскорей.
Слышу древесные стоны,

Гомон, шуршанье аллея –
Осень ворчит монотонно.

НАМ...

Мы живём, совершая ошибки.
Болт кладем на устои. Причины
Не важны нам совсем. Медицины
Мы запреты разрушим. И «Шипки»
 Подожжем огоньки.

Разбрасаем бутылки, окурки.
Вечер пятницы, утро субботы –
В эти дни у нас вдоволь свободы:
Мы шумим, мы танцуем на куртках,
 Обитаем в дворах.

Если плохо вдруг рядом кому-то,
Прочь уйдем, кинув взгляд
безразличья.
В этой жизни не сменим обличье
И пройдем ещё много маршрутов,
 Хоть шаги коротки.

Может стать нам добрее немного?
Как-то верится мне не особо,
Что к такому решенью способно
Наше общество храма дурного.
 Укротить бы себя.

Измениться попробовать стоит
И не быть мне уже эгоистом.

Если станет душа моя чистой,
Уважения станет достоин
И простой гражданин.

ИНТРОВЕРТ

Не напишут стихов о любви
Те, кто тайнами сыты по горло.
Им всю жизнь супротив (визави)
Зеркалам поклоняться покорно.

Затеряться поглубже в вещах
И не знать ничего, кроме света.
Одиноким забыться в ночах
На балконе, встречающем лето.

ДРУЗЬЯ

Вновь прочертим шагами маршрут
Изнуренный и дьявольски нудный.
Ярко светящий, сочный грейпфрут
Преукрасит июнь страшно скудный.

Брызнет капелькой сока: в пруду
Озорливые плещутся лица.
Я ни раз ещё снова приду
К берегам, чтоб покоем напиться.

Не по нраву глотать фуа-гру
Нам, простым низкорослым
скитальцам,

Суждено нам вставать поутру
И бродить средь обедов китайца.

Темно. Ночи померкшей тлен
Прокрался в комнату мою.
Душа захватит разум в плен
И бросится кричать: «Люблю!».

Минор обиды, горечь лжи
Давно не новы для меня.
Стада кузнечиков во ржи
Печалят сонного коня.

Под потолками воронья
Кружится стая как назло.
Туши любую мысль вранья,
Куда б тебя не занесло.

ПАНИХИДА ЛЕТУ

Начало осенней поры.
Жара отступить не стремится,
Но я покидаю дворы:
Мне нужно прилежно учиться.

Не будем гулять до утра,
И время прикончат конспекты.
Не будем сидеть у костра.
Мне жаль, что посеял моменты.

Они прорастут через год,
Их ягоды – масса веселья,
Но есть и дрянной корнеплод –
Похмелье.

Содержание

Галина Золотаина	5
Алексей Бельмасов	13
Тамара Страхова	23
Владимир Щербинин	29
Николай Бабкин	35
Владимир Еранов	41
Нина Сурова	47
Наталья Привалова	53
Валерий Ухандеев	59
Елена Шантаева	65
Василий Гуляев	71
Нина Глушкова	77
Алексей Гамзов	83
Юлия Сливина	89
Дмитрий Филиппенко	95
Светлана Уланова	101
Сергей Логинов	107
Ирина Сидельникова	113
Игорь Старченко	119
Айса Абушаев	125
Ирина Надирова	131
Алексей Зайцев	137
Наталья Килоч	143
Виктор Титов	149
Олеся Шмакович	155
Александр Доберман	161
Марина Трофимова	167
Николай Пирогов	173
Надежда Якушева	177
Алексей Попов	183
Ксения Фомина	187
Владислав Попов	193

Литературно-художественное издание

РЕСПУБЛИКА ИНЯ

Сборник стихов

Редактор-составитель: Дмитрий Филиппенко

Дизайн обложки: Сергей Ивкин

Идея обложки: Валерий Ухандеев

Автор Проекта: Дмитрий Филиппенко

Подписано в печать 05.03.2021 г. Формат 60x80/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman.

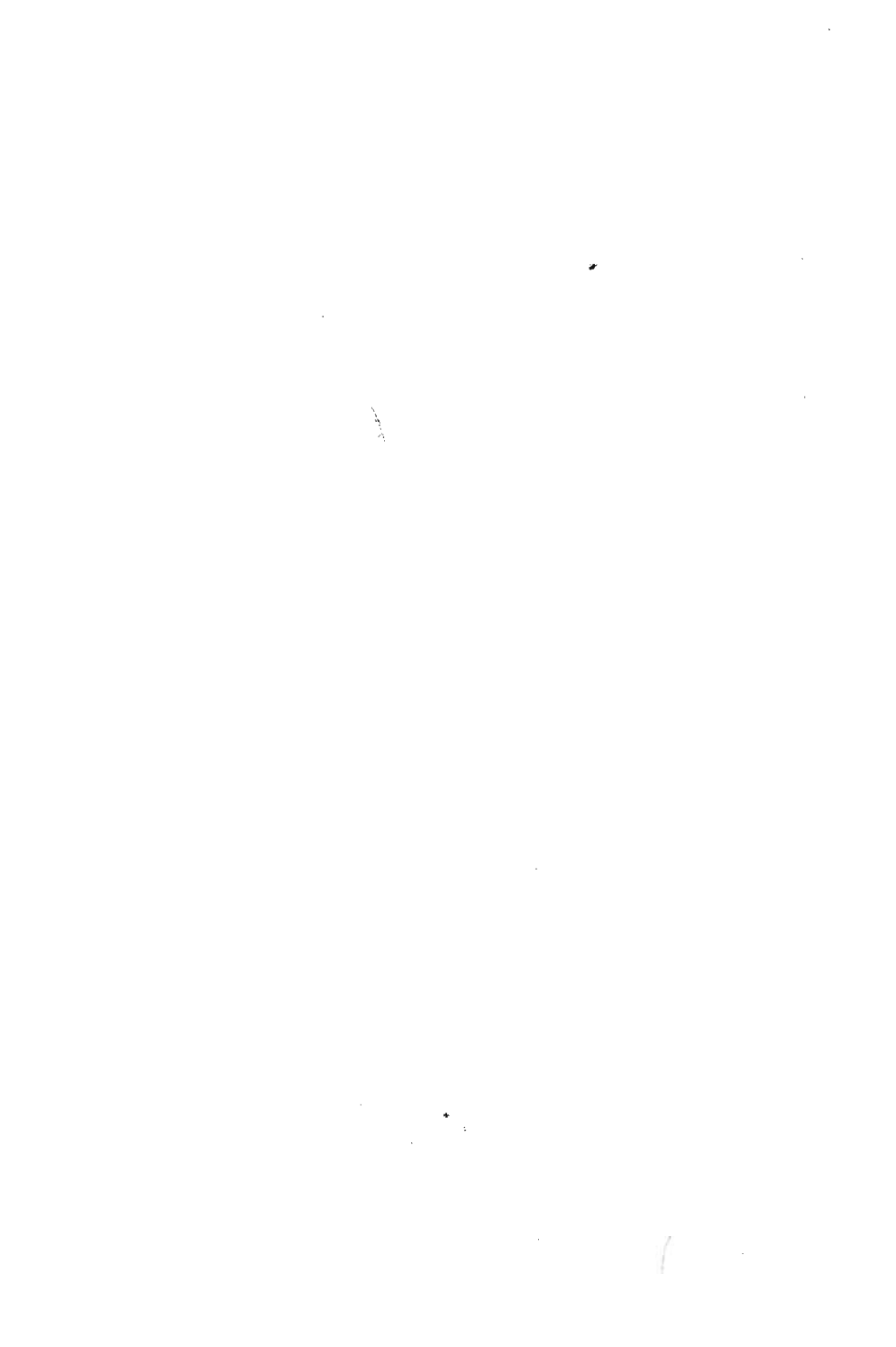
Тираж 100 экз. Заказ № 14.

Отпечатано в ООО «Офсет»

г. Кемерово, 650001, ул. 40 лет Октября, 1Б.

Тел. (3842) тел./факс (3842) 34-96-41.

260-00

цена
260 руб. 00 коп.

*Иня — река, протекающая сквозь
город Ленинск-Кузнецкий.*

*И все живущие на её берегах поэты —
граждане Республики Иня.*

